

ГРАЖДАНИНЪ

ГАЗЕТА–ЖУРНАЛЬ ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

Журналь „Гражданинъ” выходитъ по понедѣльникамъ.

Редакція (Невскій проспектъ, 77, кв. № 8) открыта для личныхъ объясненій отъ 2 до 4 ч. дня ежедневно, кромѣ дней праздничныхъ.

Рукописи доставляются исключительно въ редакцію; непринятая статья возвращается только по личному требованію и сохраняется три мѣсяца; принятыя, въ случаѣ необходимости, подлежатъ сокращенію.

Подписка принимается: въ С.–Петербургѣ, въ главной конторѣ „Гражданина” при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Бабунова; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева; въ Кіевѣ, въ книжномъ магазинѣ Гинтера и Малецкаго; въ Одессѣ у Мосягина и К^о. Иногородные адресуютъ: въ Редакцію „Гражданина”, въ С.–Петербургъ.

П о д п и с н а я ц ѣ н а :

За годъ, безъ доставки . . 7 р. съ доставкой и
пересылк. 8 р.

„ полгода „ „ .. 4 „ „ „
 ..... 5 „
 „ треть года. „ „ .. 3 „ „ „
 ..... 4 „

(На другіе сроки подписка не принимается. Служащіе пользуются разсрочкою чрезъ гг. казначеевъ).

Отдѣльные №№ продаются по 20 коп.

ГОДЪ Редакція: С.–Петербургъ, Невскій
 пр. 77. ВТОРОЙ

СОДЕРЖАНІЕ: Отъ редакціи. — Наполеонъ III. Кн. В. Мещерскій. — Петербургское обозрѣніе: елки, знаменательныя елки. Ложныя слухи и ихъ сочинители. Дума по поводу слуховъ. Что произвела смерть Наполеона III въ Петербургѣ. Факты изъ жизни политической, литературной и театральной. — Дневникъ писателя. О. Достоевскій. — Наполеонъ III. Стихотвореніе. О. Тютчевъ. — Московскія замѣтки. — Слово Москвѣ и ея округу. Кохановская. — Пенсіонное положеніе за границею и у насъ. Продолженіе. — Этюды большаго петербургскаго свѣта. III. Отвѣтъ иностраннаго педагога графинѣ Длинноруковой. Тотъ да не тотъ. — Библиографія: Очерки Крыма. Маркова. 1873. Сѣверо Американскіе Штаты. Циммермана 1873. Изложеніе началь народнаго хозяйства. И. Бабста. 1872. Систематич. сводъ рѣшеній

кассац. деп. сената и уложеніе о наказаніяхъ. Таганцева. Дневникъ провинціала въ Петербургѣ. Салтыкова (Щедрина). Куль хлѣба. С. Максимова. 1873. — Ералашъ — извѣстія со всѣго міра. Что произвела смерть Наполеона III въ Парижѣ? Интересная статистика. Часовой и наслѣдный принцъ. Убійства и убійства. Происшествіе въ Иркутскѣ. Любопытный и отраднѣйшій крестьянскій приговоръ. *Pas trop de zele*. Атмосфера, какъ причина пожара. Невѣроятное убійство. Сентиментальная фальшь въ области уголовного суда. Исчезнувшій убійца. Кто величайшій писатель нашего времени? Юбилей А. А. Краевскаго. — Лечение глазъ посредствомъ ослѣпленія.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Безгрѣшныхъ въ мірѣ семь нѣтъ!

Какъ бы ни стремилась къ совершенству почта, она все-таки грѣшитъ, и грѣшитъ нерѣдко.

Тому три дня, на примѣръ, мы не получили *ни одной газеты* за цѣлый день, а получили за то на другой день двойную порцію!

Полагаемъ, что не смотря на всѣ наши старанія, есть подписчики на нашъ журналъ, которые получаютъ его неакуратно по милости почты.

Всякій, кто не получаетъ № въ понедѣльникъ къ полудню въ Петербургъ, въ среду въ теченіи дня въ Москвѣ и въ почтовый день въ провинціи съ промежуткомъ семи дней между каждымъ номеромъ, получаетъ журналъ нашъ неакуратно.

Редакція покорнѣйше просить гг. подписчиковъ, гдѣ бы они ни подписались, въ случаѣ неакуратнаго полученія №, немедленно заявлять о томъ непосредственно въ редакцію — Невскій проспектъ, 77, кв. № 8.

По заявленіямъ, дѣлаемымъ въ книжныхъ магазинахъ, редакція на себя отвѣтственности не принимаетъ.

НАПОЛЕОНЪ III.

Какое странное явленіе нашего времени, представляетъ собою судъ надъ только что скончавшимся императоромъ Наполеономъ III.

Давно ли было то время, когда въ ореолѣ славы и безграничнаго могущества этотъ императоръ былъ судимъ міромъ съ какимъ-то добровольнымъ ослѣпленіемъ въ разглядываньи его личности, и съ какимъ-то подобострастіемъ въ величаньи его подвиговъ.

А теперь только потому, что этотъ императоръ изгнанникъ и закончилъ свою двадцатилѣтнюю карьеру французскаго цезаря седанскою

катастрофою — тотъ же міръ не судить ли его слишкомъ неумолимо строго, слишкомъ несправедливо дурно?

Во всякомъ случаѣ, задумываясь надъ закрывшеюся могилою этого историческаго дѣятеля нашей эпохи, невольно, произнося его имя, сопоставляешь его съ именемъ Наполеона I, остающагося доселѣ для многихъ какимъ-то фантастическимъ идеаломъ величія, — и задаешь себѣ вопросъ: зачѣмъ столько славы надъ могилою Наполеона перваго и столько ненависти и позора надъ могилою Наполеона третьяго, когда знаешь, что первый, на сколько былъ умнѣе и смѣлѣе втораго, на столько же сдѣлалъ больше зла и былъ сто разъ циничнѣе какъ деспоть и сто разъ безчеловѣчнѣе какъ человѣкъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ получимъ не мы, а прочтуть его потомки наши на страницахъ исторіи, мы же пока можемъ только пытаться, изъ того что знаемъ, сказать слово о чизльгёрстскомъ изгнанникѣ, по мѣрѣ возможности безпристрастное.

Наполеонъ III въ продолженіе всей своей бурной жизни казался носителемъ въ себѣ двухъ личностей, одна съ другою весьма различныхъ. Одна личность представляла изъ себя что-то въ родѣ мистически и суевѣрно вѣрящаго въ свою

историческую роль фаталиста, другая личность была самая обыкновенная, самая обыденная натура добраго челоуѣка. Имя его было причиною его безсознательной вѣры въ свое историческое призваніе. Двигателями же этой личности Наполеона III, какъ политическаго фаталиста, были тѣ твердые, неустрашимые и рѣшительные характеры окружавшихъ его сподвижниковъ авантюристовъ, которые, какъ Персиньи, Морни, Флери и друг., очень скоро поняли какую силу могутъ создать изъ такого добрака-челоуѣка, который слѣпо и суевѣрно вѣритъ въ свое имя, но не умѣетъ вѣритъ въ свою личность.

Сорокъ восьмой годъ во Франціи произвелъ еще одну — за № четвертымъ революцію. Отсутствіе нравственныхъ идей и политическихъ принциповъ сдѣлало еще шагъ впередъ. Поколѣніе, явившееся тогда политическимъ дѣятелемъ, было уже безъ всякой живой связи съ странюю. Луи-Филиппъ, какъ конституціонный государь, все умѣлъ передать имъ, что было возможно, въ видѣ правъ свободы: оставалось только имъ отдать престоль и бразды; онъ не рѣшился на эту послѣднюю уступку, и вотъ французы, жаждавшіе чего-то еще, и во что бы то ни стало, перекувырнули престоль, забрали бразды и провозгласили республику,

мечтая этимъ классическимъ, но безсодержательнымъ для Франціи словомъ успокоить ту политическую и нравственную тоску, которая ихъ томила, какъ послѣдствіе роковой безсодержательности ихъ внутренней жизни.

Посреди этого хаоса безмыслія и безначалія ничего не стоило на все готовымъ авантюристамъ, каковыми были сателлиты Наполеона III, медленно, но вѣрно приготовиться къ *coup d'etat*. Они могли имѣть за себя народъ, жаждавшій покоя *a tout prix*, полуграмотную буржуазію, сознательно мечтавшую о томъ, чего требовалъ народъ безсознательно, армію, которой буржуа Луи-Филиппъ былъ не по вкусу, толпу честолюбцевъ и интригантовъ всѣхъ положеній и сословій, которымъ незаконный и самозванный порядокъ обѣщаль больше выгоды чѣмъ законный, и наконецъ они могли имѣть за себя самую вѣрную опору и силу — *le laisser faire*. На ихъ сторонѣ могло быть даже что-то въ родѣ сочувствія тѣхъ людей порядка и интеллигенціи, которымъ, въ данную минуту, между яростною уличною толпою грозившею все разрушить и пушками направленными на эту толпу приходилось выбирать и рѣшать вопросъ: что лучше, и которые не только по инстинкту, но и по логическомъ размышленіи, не могли не желать

успѣха двигателямъ этихъ пушекъ. „Et dire, qu'il faut faire des vœux pour ces gredins”, говорилъ одинъ изъ умнѣйшихъ людей Франціи — Теофиль Готье, вечеромъ 1 декабря, когда онъ входилъ къ своимъ пріятелямъ и засталъ ихъ ожидающими исхода этого роковаго дня. Ces gredins были Наполеонъ III и его сподвижники. Пожеланія были сдѣланы, и сильный этими пожеланіями Наполеонъ III изъ авантюриста булонскаго сдѣлался героемъ 2 декабря, а изъ героя 2 декабря — императоромъ Франціи.

Мы, кажется намъ, не ошибемся, если скажемъ что съ той поры по день седанской катастрофы Наполеонъ III былъ все тотъ же, о двухъ личностяхъ — человекъ-императоръ.

Какъ, человекъ, онъ былъ, добръ, тихъ, терпѣливъ, довѣрчивъ, любилъ семейный очагъ, обожалъ своего сына, наслаждался своимъ кабинетомъ и тѣми часами мирной работы, когда, забывая что онъ императоръ, занимался Юліемъ Цезаремъ или артиллерійскими изслѣдованіями, и нѣтъ ничего удивительнаго, что всѣ окружавшіе его и знавшіе близко любили его не только искренно, но и очень горячо. Наполеонъ III никогда ни на кого въ эти двадцать лѣтъ не разсердился, никого не оскорбилъ ни единымъ словомъ, ни разу не возвышалъ голоса въ разговорѣ; лакею, который однажды его облилъ

за столомъ, онъ также искренно простилъ, какъ прощалъ внутри себя, въ своемъ кабинетѣ, въ своемъ семейномъ быту — всякому политическому врагу.

Но не для кабинетной работы надъ Юліемъ Цезаремъ и не для семейной жизни былъ приведенъ и посаженъ Наполеонъ III въ Тюльерійскій дворецъ своими сподвижниками и своею вѣрою въ свою звѣзду, а для того чтобы быть императоромъ Франціи, создавать маршаловъ, вести войска на побѣды, поднять торговлю и промышленность, занять первое мѣсто въ Европѣ, набить деньгами казну Франціи, раздавить всякую волю и всякую умственную силу и въ концѣ концовъ обезпечить славу и счастье не столько Франціи, сколько тѣхъ нѣсколькихъ личностей, которыя строили на этомъ предпріятіи великое зданіе своего благополучія.

И вотъ мы видимъ этого же безобиднаго, спокойнаго добряка принимающимъ какую то, вдохновенную вѣрою въ фатализмъ, фізіономію и дѣйствующимъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ такъ, какъ, они складывались въ данную минуту и понимались тѣми лицами, которыя ближе стояли къ его особѣ. А такъ какъ стояли возлѣ него представители всѣхъ образовъ мыслей и всѣхъ возможныхъ нравственныхъ началъ,

начиная отъ Тартюфа и кончая либераломъ трусомъ, каковымъ былъ и есть его злополучный двоюродный братъ, то нетрудно было этому странному царствованію Наполеона III явиться тѣмъ, чѣмъ оно было: осуществленіемъ какого то политическаго хаоса, какой то беззастѣнчивой комедіи, какою то внутреннею безсодержательностью, прикрытою внѣшнимъ блескомъ и подпирасемою полицейскими сержантами и пятисоттысячною арміею.

Но въ этой арміи, какъ и въ управленіи цѣлой страны, какъ и въ цѣломъ политическомъ строѣ Имперіи Наполеона III, не было того внутренняго порядка, который происходитъ отъ подчиненія извѣстной ясно сознаваемой мысли. Наполеонъ III смутно думалъ, что все держалось *какими то* идеями, а сподвижники его знали, что идей никакихъ нѣтъ, а все держится деньгами. Этотъ странный *qui pro quo* былъ характеристическою чертою 20 лѣтъ его царствованія, и только потому что такъ хотѣла судьба, седанская катастрофа явилась двадцать лѣтъ позже, хотя причины ее вызвавшія существовали двадцать лѣтъ раньше.

И странное совпаденіе! Наполеонъ III какъ императоръ былъ именно тѣмъ, чѣмъ была его Франція: въ немъ не доставало внутренняго смысла всего того что дѣлалось и что дѣлалъ онъ

самъ своимъ именемъ. Онъ также мало понималъ внутренней смыслъ своей императорской славы, какъ мало понималъ ея позоръ въ ту минуту, когда съ папирскою во рту приготовлялся отдавать свою шпагу императору Вильгельму. Это былъ все тотъ же добрякъ, двадцать лѣтъ назадъ наэлектризованный къ *сoup d'etat* 2-го декабря горстью смѣлыхъ удалцовъ, потомъ отрываемый этою же горстью отъ своихъ занятій публицистъ, чтобы заниматься съ ними какъ съ министрами, и наконецъ сдающійся въ плѣнъ подъ вліяніемъ размышленія что лучше сдаться, чѣмъ погубить десятки тысячъ людей, точно также какъ прежде размышлялъ онъ о томъ, что лучше держать Парижъ въ страхъ и Францію въ рукахъ вѣрныхъ префектовъ, чѣмъ отдать ее на разграбленіе коммунъ.

И это—то отсутствіе внутренней, такъ сказать, личности императора Наполеона III производило то что онъ не умѣлъ никогда, подобно своему дядѣ, электризовать толпу, электризовать армию, рѣшаться на отчаянные подвиги — и скажемъ ему въ добрую память — на тотъ цинизмъ во лжи и злодѣйствахъ, которымъ такъ богата жизнь Наполеона Перваго.

Но за то, не имѣя его цинизма, онъ не имѣлъ и его ума. Имѣй Наполеонъ III государственный умъ своего дяди, онъ понялъ бы что ему не

нужны были плебисциты, не нужны были реформы а ла Оливье, а нужны были удачныя войны; онъ понялъ бы что система его цезаризма, или вѣрнѣе цезаризма его партіи была именно тѣмъ, чего требовала погибавшая и погибающая Франція, и что съ этою системою онъ бы долженъ былъ заботиться лишь о томъ, о чемъ всего менѣе заботился — о дисциплинѣ и совершенствованіи своей арміи!

А вмѣсто этого, говоря словами нашего глубоко симпатическаго и прозорливаго поэта,

Оторопѣвшій міръ игрой своей
смутя,

Какъ неразумное дитя,

Онъ предалъ долгому шатанью...

Кн. В. Мещерскій.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Елки. Знаменательныя елки. Ожиданія и слухи. Сочинители этихъ слуховъ. Неосуществленіе ихъ. Извѣстія дрстовѣрныя в мірѣ политическомъ, литературномъ и театральномъ.

Праздники кончились сегодня обычнымъ торжествомъ Царскаго выхода на іордань. Елки въ домахъ и ряженые на улицахъ исчезли. Но

прежде чѣмъ вычеркнуть эти праздники изъ прожитаго времени, мы остановимся на елкахъ, ибо имѣемъ что о нихъ сказать и интереснаго, и утѣшительнаго.

Когда-то была пора елокъ только *своихъ*: купятъ родители елку, украсятъ ее по средствамъ, затѣмъ двери отворяются настежь, дѣти этихъ родителей вбѣгаютъ въ комнату, останавливаются отъ радости и удивленія, и потомъ жадно бросаются къ елкѣ искать добычи сюрпризовъ и подарковъ.

Въ послѣдніе годы къ этимъ елкамъ своимъ прибавились и другія, елки для *чужихъ*, или говоря проще, елки для бѣдныхъ. Во многихъ домахъ устраиваютъ теперь въ нашемъ высшемъ обществѣ елки для бѣдныхъ дѣтей, и за этотъ новый обычай нельзя не благословлять тѣхъ, которые взяли на себя починъ такого нововведенія.

Въ числѣ такихъ елокъ для бѣдныхъ, как мы слышали, ежегодно устраивается елка для нѣсколькихъ десятковъ бѣдныхъ дѣтей въ Аничковомъ Дворцѣ. Обыкновенно, намъ говорили, елка эта устраивалась перваго января: множество дѣтей изъ самыхъ бѣднѣйшихъ семействъ призываются во дворецъ съ своими матерями, и прямо съ улицы вступаютъ въ ярко освѣщенную залу дворца, гдѣ ихъ ожидаютъ

Хозяева дома и сытный обѣдъ. Бѣдные разсаживаются, обѣдаютъ, все что могутъ ѣдятъ, а чего съѣсть не успѣваютъ, кладутъ в платочекъ, затѣмъ Августѣйшіе Хозяева принимаются каждому отдѣльно изъ дѣтей выдавать подарки: дѣвочкамъ одѣяла, теплыя юбки, платья, бѣлье, теплые чепчики, чулки, и т. п.; мальчикамъ полушубки, валенки, теплыя шапки, ситцевыя рубахи, панталоны; а матерямъ достается чай, сахаръ, кофе, платья и теплыя юбки, и все до послѣдней вещи, как мы слышали, роздается самими Хозяевами. Потомъ, когда раздача кончилась, елка валится на полъ, и въ одинъ мигъ все до послѣдней ленточки исчезаетъ съ дерева и переходитъ въ собственность удалыхъ ребяташекъ. Такъ празднуется, слышали мы, новый годъ въ домѣ Наслѣдника русскаго Престола.

На нынѣшнихъ праздникахъ слышали мы и о другой елкѣ. Она устроена была въ баракахъ для больныхъ, подъ непосредственнымъ покровительствомъ Государыни Императрицы находящихся. Въ этихъ баракахъ помѣщаются больные, и сверхъ того, при баракахъ есть училище для воспитанія дѣвочекъ пансіонерокъ и приходящихъ, с цѣлью приготовить изъ нихъ сидѣлокъ. Вотъ въ этомъ то училищѣ и у этихъ то больныхъ была елка, устроенная по желанію Ея

Величества заботами и хлопотами Великой Княжны Маріи Александровны. Послѣ экзамена дѣтей прочитанъ былъ отчетъ учебнаго года, и затѣмъ это убѣжище скорби освѣтилось появленіемъ Царской Дочери, присланной Царицею, и веселою елкою. На этой елкѣ каждая вещица была куплена какъ мы слышали, Ея Высочествомъ, и носила характеръ чисто практически-полезнаго подарка, а послѣ раздачи подарковъ, отъ cadaго теплаго, простаго сердечнаго слова Великой Княжны зажглась, такъ сказать, такая простая, такая теплорадушная атмосфера, что всѣмъ дѣтямъ и всѣмъ учительницамъ и учителямъ, и докторамъ — стало особенно какъ то весело, ловко и просторно, и все кругомъ виновницы торжества зашумѣло самою искреннею и ничѣмъ не стѣсненною жизнью.

А больные что? Они лежали на своихъ койкахъ, и многимъ тяжелъ былъ этотъ часъ. Но и для нихъ была вѣдь елка Царская, и объ нихъ подумала Царица, и для нихъ была послана Царская Дочь. И вотъ съ руками полными Евангелій и разныхъ подарковъ вошла Великая Княжна въ это жилище скорби, вошла и къ каждому изъ больныхъ подходила, каждому клала на постель подарки, каждому давала въ руки Евангеліе и каждому сказала теплое слово

утѣшенія, подкрѣпленія и участія. Оставалась палата тифозныхъ: опасно туда войти — могли подумать тѣ, которые слѣдили за каждымъ движеніемъ Великой Княжны съ благоговѣніемъ и умиленіемъ; доктора предложили ей взять на себя трудъ раздачи подарковъ тифознымъ больнымъ; но Великая Княжна, слышали мы, никому не поручила того, что для нея было не трудъ, а наслажденіе — и вошедши въ отдѣленіе тифозныхъ больныхъ, точно также, какъ въ другихъ палатахъ, къ каждому подошла, каждому дала Евангеліе и каждому на постель положила Царскіе подарки. Такова была елка въ одномъ изъ пріютовъ болѣзни и печали въ Петербургѣ. Все это мы слышали отъ лицъ бывшихъ тамъ послѣ посѣщенія Великой Княжны, и если бы дано ей было увидѣть что выражали иныя лица послѣ ея ухода, она бы поняла на какую почву упала любовь, и какъ скоро эта почва приноситъ невообразимо обильную жатву любви за любовь!

Но не всѣ сердца и не всѣ умы у насъ на праздникахъ заняты были елками. Какъ всегда при наступленіи таинственно-великой минуты новаго года — Петербургъ чиновный, Петербургъ честолюбивый, Петербургъ любопытный, Петербургъ праздный носилъ въ себѣ бремя какихъ то ожиданій не то реформъ, не то

назначеній, и все важныхъ, сановныхъ назначеній.

Но что это должны были быть за назначенія? Все тоже и все тоже: министерство земледѣлія съ П. А. Валуевымъ, министерство полиціи и тому подобныя учрежденія, о которыхъ много было говорено за и противъ. Спрашивается, кто сочинитель этихъ слуховъ? Очевидно господа редакторы журналовъ, ломающіе себѣ голову надъ придумываньемъ разныхъ средствъ къ приобрѣтенію газетъ кредита, какъ къ органу свѣжихъ и достовѣрныхъ новостей. А виноватъ кто въ этихъ слухоишверженіяхъ? Разумѣется, общество, которое вовсе не интересуясь сущностью обоихъ новыхъ воздушныхъ министерствъ, земледѣліемъ и полиціею, интересуется только тѣмъ что вотъ такія то министерства явятся, и съ ними явятся Петръ Ивановичъ и Иванъ Петровичъ — и ровно таки ничего болѣе.

Но беременное состояніе петербургскаго общества этими слухами и ожиданіями продолжалось недолго. Появилось въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ ихъ опроверженіе, и дѣло кончилось. Но всего забавнѣе и интереснѣе то, что едва какая нибудь газета пуститъ какой либо новый слухъ, будто бы для нея одной только достовѣрный, какъ другая

газета, тоже не менѣе достовѣрно, беретса опровергать этотъ слухъ, приговаривая: „Я знаю въ чемъ дѣло, но не скажу“, и затѣмъ смотришь, дня черезъ два пускаетъ свой слухъ, — а въ концѣ концовъ выходитъ что про всѣ эти свѣжія новости слѣдуетъ сказать то, что Грибоедовъ въ „Горе отъ ума“ говоритъ про календари.

И такъ достовѣрно одно только, что новый годъ не принесъ съ собою ни одного новаго крупнаго факта въ мірѣ государственномъ внутреннемъ.

Въ Петербургѣ смерть Наполеона III, заставшая читающій людъ въ праздничномъ настроеніи духа, не вызвала никакого выдающагося проявленія отношеній общества къ этому событію. Признали эту смерть совершившимся фактомъ изъ области незначительныхъ; кто побранилъ умершаго а кто ничего не сказалъ; трауръ наложенъ на двѣ недели и все этимъ и кончилось.

Но что же, наконецъ, новаго въ политическомъ мірѣ, спросятъ читатели, вѣдь не можетъ же не быть ничего новаго? Этотъ вѣроятный вопросъ въ умѣ читателя всякой газеты въ провинціи наводитъ на глубокое размышленіе. И дѣйствительно время, въ которое мы живемъ, какъ будто только тогда сознается проживаемою жизнью, когда есть новости въ политическомъ

нашемъ внутреннемъ мірѣ. Настоящаго какъ будто ни для кого не существуетъ: на кого ни взглянешь въ Петербургъ, кого ни слушаешь, всѣ, кажется, только и живутъ мыслию о томъ, что вотъ-вотъ завтрашній день принесетъ что нибудь новаго въ мірѣ реформъ. А въ тоже время нельзя жаловаться на то, чтобы реформы томили насъ медленностью своего хода; напротивъ, мы думаемъ, что нѣтъ государства, которое бы такъ скоро справлялось съ реформаторскими работами какъ наше, и нѣтъ того вопроса изъ области государственной жизни, который бы не находился въ разсмотрѣніи какой либо реформаторской комиссіи.

Въ военномъ мірѣ Петербурга главная новость дня есть приказъ командующаго округомъ Великаго Князя Николая Николаевича о введеніи во всѣхъ полкахъ дневниковъ. Нельзя не сочувствовать искренно этому нововведенію. Въ связи съ прежнимъ приказомъ Великаго Князя о возстановленіи дисциплины въ отношеніяхъ офицеровъ къ своимъ старшимъ по фронту, приказъ этотъ является новымъ доказательствомъ, какъ близко и отчетливо всякая особенность военного быта извѣстна главнокомандующему петербургскимъ округомъ. Не только нѣкоторыхъ, привязанныхъ къ своему дѣлу военныхъ, но и насъ, простыхъ статскихъ,

не рѣдко удивляло въ Петербургѣ проявленіе въ иныхъ полкахъ полного равнодушія офицеровъ къ своему полковому дѣлу и отсутствіе всякаго общенія внѣ фронта съ своимъ полкомъ и съ своею службою. Внѣ ученій, смотровъ и дежурствъ, офицеръ принадлежалъ своему полку только по мундиру. Приказъ о дневникахъ вводитъ новую причину офицеру быть въ своемъ полку и быть съ нимъ связаннымъ новымъ интересомъ. Дневники эти должны вестись по полкамъ, но могутъ быть ведены независимо отъ полковаго, и по ротамъ и эскадронамъ. Въ эти дневники должно вноситься все, что наполняетъ день полка или роты съ утра до вечера и сверхъ того всѣ происходящія въ полку или ротѣ событія, а въ лагерное время и во время маневровъ, въ дневникъ должно входить подробное описаніе каждаго военнаго движенія съ описаніемъ мѣстности и изложеніемъ событій.

Что новаго въ мірѣ литературномъ?

Въ Петербургѣ пишутся новые романы для Москвы и именно для „Русскаго Вѣстника“. Намъ извѣстно, что къ первому № „Русскаго Вѣстника“ готовится новый романъ Б. М. Маркевича, обѣщающій, по слышанному нами началу, быть прелестнымъ. Первый № „Русскаго Архива“ произвелъ въ Петербургѣ впечатлѣніе, благодаря богатому содержанію его

матеріаловъ. Въ особенности интересны письмо В. А. Жуковскаго къ покойной Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ о воспитаніи Наслѣдника Престола, нынѣ царствующаго Государя, и подлинныя автобіографическія документы относящіеся къ жизни Я. И. Ростовцева, и къ заговору 14-го декабря. Въ письмѣ Жуковскаго, съ чувствомъ какого то благоговѣнія мы слышимъ прекрасный типъ поэта-мыслителя, вносящаго въ ту высокую общественную сферу, на которую его поднялъ выборъ Императора Николая, — одну лишь чистую, честную, поэтическую и высокоблагородную душу, и съ этою душою говорящаго съ Царицею такъ, какъ говорилъ бы онъ съ своею совѣстью, не зная ни лести, ни страха не понравиться, ни зависти къ кому бы то ни было. Письма эти замѣчательны тѣмъ, что въ нихъ Жуковскій, говоря о лицахъ, которыя могутъ быть на столько высоки нравственно и глубоко образованны чтобы взять на себя труднѣйшее изъ всѣхъ дѣлъ — воспитаніе наследника престола, прямо обращается къ самому себѣ, и разбирая себя въ подробности, приходитъ къ заключенію, что онъ на это дѣло признаетъ себя неспособнымъ и совѣтуетъ Государынѣ выбрать лицо — по его мнѣнію,

отвѣчающее всѣмъ условіямъ требуемымъ для этого званія и для этой задачи, — Каподистріа.

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

III.

Среда.

Кажется одно общее ощущение всѣхъ присяжныхъ засѣдателей въ цѣломъ мірѣ, а нашихъ въ особенности (кромѣ прочихъ, разумѣется, ощущеній) должно быть ощущение власти, или лучше сказать самовластія. Ощущеніе иногда пакостное, т. е. въ случаѣ если преобладаетъ надъ прочими. Но хоть и въ незамѣтномъ видѣ, хоть и подавленное цѣлою массою иныхъ благороднѣйшихъ ощущеній, — все-таки оно должно крѣпиться въ каждой засѣдательской душѣ, даже при самомъ высокомъ сознаніи своего гражданскаго долга. Мнѣ думается, что это какъ нибудь выходитъ изъ самыхъ законовъ природы и потому, я помню, ужасно мнѣ было любопытно въ одномъ смыслѣ, когда только что установился у насъ новый (правый) судъ. Мнѣ въ мечтаніяхъ мерещились засѣданія, гдѣ почти сплошь будутъ засѣдать напимѣръ крестьяне, вчерашніе крѣпостные. Прокуроръ, адвокаты будутъ къ нимъ

обращаться, заискивая и заглядывая, а наши мужички будут сидѣть и про себя помалчивать: „Вонъ оно какъ теперь, захочу, значить, оправдаю, не захочу — въ самоё Сибирь“.

И вотъ однако же замѣчательно теперь что они не караютъ, а сплошь оправдываютъ. Конечно, это тоже пользованіе властью, даже почти черезъ край, но въ какую-то одну сторону, сантиментальную что-ли, не разберешь — но общую, чуть не предвзятую у насъ повсемѣстно, точно всѣ сговорились. Общность „направленія“ не подвержена сомнѣнію. Въ томъ и задача, что манія оправданія во что бы ни стало не у однихъ только крестьянъ вчерашнихъ униженныхъ и оскорбленныхъ, а захватила сплошь всѣхъ русскихъ присяжныхъ, даже самага высокаго подбора, нобльменовъ и профессоровъ университета. Уже одна эта общность представляетъ прелюбопытную тему для размышленій и наводитъ на многообразныя и пожалуй странныя иногда догадки.

Недавно въ одной изъ нашихъ вліятельнѣйшихъ газетъ, въ очень скромной и очень благонамѣренной статейкѣ, была мелькомъ проведена догадка: ужь не склонны ли наши присяжные, какъ люди вдругъ и ни съ того ни съ сего ощутившіе въ себѣ столько могущества (точно съ неба упало) да еще послѣ такой

вѣковой приниженности и забитости — не склонны ли они подсолить вообще „властямъ“, при всякомъ удобномъ случаѣ, такъ, для игривости или такъ сказать для контраста съ прошедшимъ, прокурору хоть напимѣрь? Догадка недурная и тоже не лишенная нѣкоторой игривости, но, разумѣется, ею нельзя всего объяснить.

„Просто жаль губить чужую судьбу; человекѣ тоже. Русскій народъ жалостливъ“, разрѣшаютъ иные, какъ случалось иногда слышать.

Я однакоже всегда думалъ, что въ Англіи напимѣрь народъ тоже жалостливъ; и если и нѣтъ въ немъ такой такъ сказать слабосердости какъ въ нашемъ русскомъ народѣ, то по крайней мѣрѣ гуманность есть; есть сознание и живо чувство христіанскаго долга къ ближнему, и можетъ быть доведенныя до высокой степени, до твердаго и самостоятельнаго убѣжденія; даже можетъ быть болѣе твердаго чѣмъ у насъ, взявъ во вниманіе тамошнюю образованность и вѣковую самостоятельность. Тамъ вѣдь не „вдругъ съ неба“ имъ столько власти свалилось. Да и самый судъ—то присяжныхъ они сами себѣ выдумали, ни у кого не занимали, вѣками утвердили, изъ жизни вынесли, не въ видѣ дара получили.

А между тѣмъ тамъ присяжный засѣдатель понимаетъ, чуть только займетъ свое мѣсто въ залѣ суда, что онъ — не только чувствительный человѣкъ съ нѣжнымъ сердцемъ, но прежде всего гражданинъ. Онъ думаетъ даже (вѣрно—ли, нѣтъ—ли), что исполненіе долга гражданскаго даже пожалуй и выше частнаго сердечнаго подвига. Еще недавно общій гуль пошелъ у нихъ по всему королевству, когда присяжные оправдали одного явнаго вора. Общее движеніе страны доказало, что если и тамъ возможны такіе же приговоры, какъ и у насъ, то появляются рѣдко, какъ случаи исключительные и немедленно возмущающіе общее мнѣніе. Тамъ присяжный понимаетъ прежде всего, что въ рукахъ его знамя всей Англіи, что онъ уже перестаетъ быть частнымъ лицомъ, а обязанъ изображать собою мнѣніе страны. Способность быть гражданиномъ — это и есть способность возносить себя до цѣлаго мнѣнія страны. О, и тамъ есть „жалостливость“ приговора, и тамъ принимается во вниманіе „заѣдающая среда“ (кажется любимое теперь ученіе наше) — но до извѣстнаго предѣла, на сколько допускаетъ здоровое мнѣніе страны и степень просвѣщенія ея христіанскою нравственностію (а степень—то кажется довольно высокая). Но зато, и весьма часто, тамошній присяжный, скрѣпя свое сердце, произноситъ

приговоръ обвинительный, понимая прежде всего, что обязанность его состоитъ въ томъ преимущественно чтобы засвидѣтельствовать своимъ приговоромъ передъ всѣми согражданами, что въ старой Англии, за которую всякій изъ нихъ отдастъ свою кровь, порокъ по прежнему называется порокомъ и злодѣйство — злодѣйствомъ и что нравственныя основы страны все тѣ же, крѣпки, не измѣнились, стоятъ какъ и прежде стояли.

— Даже хотъ и предположить, слышится мнѣ голосъ, — что крѣпкія-то ваши основы (т. е. христіанскія) все тѣ же и что вправду надо быть прежде всего гражданиномъ, ну и тамъ держать знамя и пр. какъ вы наговорили, — хотъ и предположить пока безъ спору, подумайте, откуда у насъ взятыся гражданамъ-то? Вѣдь сообразить только что было вчера! Вѣдь гражданскія-то права (да еще какія!) на него вдругъ какъ съ горы скатились. Вѣдь они придавили его, вѣдь они пока для него только бремя, бремя!

— Конечно, есть правда въ вашемъ замѣчаніи, отвѣчаю я голосу нѣсколько повѣся носъ, но вѣдь опять таки русскій народъ...

— Русскій народъ? Позвольте, слышится мнѣ другой голосъ, — вотъ говорятъ, что дары-то съ горы скатились и его придавили. Но вѣдь онъ не

только можетъ быть ощущаетъ, что столько власти онъ получилъ какъ даръ, но и чувствуетъ сверхъ того, что и получилъ—то ихъ даромъ, т. е. что не стоитъ онъ этихъ даровъ пока. Замѣтите, это вовсе не значить, что и въ самомъ дѣлѣ онъ не стоитъ этихъ даровъ и что *не надо* или *рано* было одарять его; совсѣмъ даже напротивъ: это самъ народъ въ своей смиренной совѣсти сознаетъ, что онъ не достоинъ даровъ такихъ, — и это смиренное, но высокое сознание народное о своей недостойности есть именно залогъ того, что онъ—то ихъ и достоинъ. А покамѣсть, въ смиреніи своемъ, народъ смущень. Кто заглядываль въ сокровенные тайники его сердца? Можетъ—ли у насъ хоть кто нибудь сказать что вполнѣ знакомъ съ русскимъ народомъ? Нѣтъ, тутъ не одна только жалостливость и слабосердость, какъ изволите вы насмѣхаться. Тутъ сама эта власть страшна! Испугала насъ эта страшная власть надъ судьбой человѣческою, надъ судьбой родныхъ братьевъ, и пока доростемъ до вашего гражданства — мы милуемъ. Изъ страха милуемъ. Мы сидимъ присяжными и можетъ быть думаемъ: „сами—то мы лучше—ли подсудимаго? Мы вотъ богаты, обеспечены, а случись намъ быть въ такомъ же положеніи какъ онъ, такъ можетъ сдѣлаемъ еще хуже чѣмъ онъ, — мы и милуемъ. Такъ вѣдь это еще можетъ быть

хорошо—съ, умиленіе—то это сердечное. Это можетъ быть залогъ къ чему нибудь такому высшему христіанскому въ будущемъ, чего еще и не знаетъ міръ до сихъ поръ!

„Это отчасти славянофильскій голосъ”, разсуждаю я про себя. Мысль дѣйствительно утѣшительная, а догадка о смиреніи народномъ предъ властью полученною даромъ и дарованною пока „недостойному”, ужъ конечно почище догадки о желаніи „поддразнить прокурора”, хотя все—таки и эта догадка продолжаетъ мнѣ нравиться своимъ реализмомъ (конечно, принимая ее болѣе въ видѣ частнаго случая, какъ выставляль, впрочемъ, и самъ авторъ ея) но... но вотъ что наиболѣе смущаетъ меня однако: что это нашъ народъ вдругъ сталъ бояться такъ своей жалости? „Больно дескать очень приговорить человѣка”. Ну и чтожъ, и уйдите съ болью. Правда выше вашей боли.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь если ужъ мы считаемъ что сами иной разъ еще хуже преступника, то тѣмъ самымъ признаѣмся и въ томъ, что на половину и виноваты въ его преступленіи. Если онъ преступилъ законъ, который земля ему написала, то сами мы виноваты въ томъ, что онъ стоитъ теперь передъ нами. Вѣдь если бы мы всѣ были лучше, то и онъ бы былъ лучше и не стоялъ—бы теперь передъ нами...

— Такъ вотъ тутъ—то и оправдать?

Нѣтъ, напротивъ; именно тутъ—то и надо сказать правду и зло назвать зломъ; но зато половину тяготы приговора взять на себя. Войдемъ въ залу суда съ мыслью, что и мы виноваты. Эта боль сердечная, которой всѣ теперь такъ боятся и съ которою мы выйдемъ изъ залы суда, и будетъ для насъ наказаніемъ. Если истинна и сильна эта боль, то она насъ очиститъ и сдѣлаетъ лучшими. Вѣдь сдѣлавшись сами лучшими, мы и среду исправимъ и сдѣлаемъ лучшею. Вѣдь только этимъ однимъ и можно ее исправлять. А такъ—то бѣжать отъ собственной жалости и чтобы не страдать самому сплошь оправдывать — вѣдь это легко. Вѣдь этакъ мало по малу придемъ къ заключенію, что и вовсе нѣтъ преступленій, а во всемъ „среда виновата“. Дойдемъ до того, по клубку, что преступленіе сочтемъ даже долгомъ, благороднымъ протестомъ противъ „среды.“ „Такъ какъ общество гадко устроено, то въ такомъ обществѣ нельзя ужиться безъ протеста и безъ преступленій“. „Такъ какъ общество гадко устроено, то нельзя изъ него выбиться безъ ножа въ рукахъ“. — Вѣдь вотъ что говоритъ ученіе о средѣ, въ противоположность христіанству, которое, вполнѣ признавая давленіе среды и провозгласивши милосердіе къ согрѣшившему,

ставить однако-же нравственнымъ долгомъ челоѡку борьбу со средой, ставить предѡль тому, гдѡ среда кончается, а долгъ начинается. Дѡлая челоѡка отвѡтственнымъ, христіанство тѡмъ самымъ признаетъ и свободу его. Дѡлая же челоѡка зависящимъ отъ каждой ошибки въ устройствѡ общественномъ, ученіе о средѡ доводитъ челоѡка до совершенной безличности, до совершеннаго освобожденія его отъ всякаго нравственнаго личнаго долга, отъ всякой самостоятельности, доводитъ до мерзѡйшаго рабства какое только можно вообразить. Вѡдь такъ табаку челоѡку захочется, а денегъ нѡтъ, такъ убить другаго, чтобы достать табаку. Помилуйте: „Развитому челоѡку, ощущающему сильнѡе неразвитаго страданіе отъ неудовлетворенія своихъ потребностей, надо денегъ для удовлетворенія ихъ — такъ почему ему не убить неразвитаго если нельзя иначе денегъ достать?“ Да неужели вы не прислушивались къ голосамъ адвокатовъ: „Конечно, дескать, нарушенъ законъ, конечно, это преступленіе, что онъ убилъ неразвитаго, но, господа присяжные, возьмите во вниманіе и то...“ и т. д. Вѡдь уже почти раздавались подобные голоса, да и не почти...

— Ну, вы, однако же, слышится мнѡ чей-то язвительный голосъ, — вы, кажется, народу

новѣйшую философію среды навязываете, это какъ же она къ нему залетѣла? Вѣдь эти двѣнадцать присяжныхъ иной разъ сплошь изъ мужиковъ сидятъ и каждый изъ нихъ за смертный грѣхъ почитаетъ въ постъ оскоромиться. Вы бы ужъ прямо обвинили ихъ въ социальныхъ тенденціяхъ.

„Конечно, конечно, гдѣ же имъ до „среды“, то есть сплошь—то всѣмъ, задумываюсь я, — но вѣдь идеи, однако же, носятся въ воздухѣ; въ идеѣ есть нѣчто проникающее”...

— Вотъ на! хохочетъ язвительный голосъ.

— А что если нашъ народъ особенно склоненъ къ ученію о средѣ, даже по существу своему, по своимъ, положимъ, хоть славянскимъ склонностямъ? Что если именно онъ—то и есть наилучшій матеріалъ въ Европѣ для иныхъ пропагаторовъ?

Язвительный голосъ хохочетъ еще громче, но какъ то выдѣланно.

—

Нѣтъ, тутъ съ народомъ пока еще только фортель, а не „философія среды“. Тутъ есть одна ошибка, одинъ обманъ и въ этомъ обманѣ много соблазна.

Обманъ этотъ можно разъяснить въ такомъ видѣ, примѣромъ по крайней мѣрѣ.

Положимъ народъ называетъ осужденныхъ „несчастливыми“, подаетъ имъ гроши и калачи. Что-же хочетъ онъ этимъ сказать, вотъ уже можетъ быть въ продолженіе вѣковъ? Христіанскую-ли правду или правду „Среды?“ Именно тутъ-то и камень преткновенія, именно тутъ-то и скрывается тотъ рычагъ, за который съ успѣхомъ могъ бы ухватиться пропагаторъ „среды“.

Есть идеи невысказанныя, безсознательныя и только лишь сильно чувствуемыя; такихъ идей много какъ бы слитыхъ съ душой человѣка. Есть онѣ и въ цѣломъ народѣ, есть и въ человѣчествѣ взятомъ какъ цѣлое. Пока эти идеи лежатъ лишь безсознательно въ жизни народной и только лишь сильно и вѣрно чувствуются, — до тѣхъ поръ только и можетъ жить сильнѣйшею живою жизнью народъ. Въ стремленіяхъ къ выясненію себѣ этихъ сокрытыхъ идей и состоитъ вся энергія его жизни. Чѣмъ неколебимѣе народъ содержитъ ихъ, чѣмъ менѣе способенъ измѣнить первоначальному чувству, чѣмъ менѣе склоненъ подчиняться различнымъ и ложнымъ толкованіямъ этихъ идей, тѣмъ онъ могучѣе, крѣпче, счастливѣе. Къ числу такихъ сокрытыхъ въ русскомъ народѣ идей — идей русскаго

народа — и принадлежитъ названіе преступленія несчастіемъ, преступниковъ — несчастными.

Идея эта чисто русская. Ни въ одномъ европейскомъ народѣ ея не замѣчалось. На западѣ провозглашаютъ ее теперь лишь философы и толковники. Народъ же нашъ провозгласилъ ее еще задолго до своихъ философовъ и толковниковъ. Но изъ этого не слѣдуетъ чтобы онъ не могъ быть сбитъ съ толку ложнымъ развитіемъ этой идеи толковникомъ, временно по крайней мѣрѣ, съ краю. Окончательный смыслъ и послѣднее слово останутся безъ сомнѣнія всегда за нимъ, но временно — можетъ быть иначе.

Короче: этимъ словомъ „несчастные“ народъ какъ бы говоритъ „несчастливымъ“: „Вы согрѣшили и страдаете, но и мы вѣдь грѣшны. Будь мы на вашемъ мѣстѣ, — можетъ и хуже бы сдѣлали. Будь мы лучше сами, можетъ и вы не сидѣли бы по острогамъ. Съ возмездіемъ за преступленія ваши вы приняли тяготу и за всеобщее беззаконіе. Помолитесь объ насъ и мы объ васъ молимся. А пока берите, „несчастные“, гроши наши; подаемъ ихъ чтобы знали вы что васъ помнимъ и не разорвали съ вами братскихъ связей“.

Согласитесь, что ничего нѣтъ легче какъ примѣнить къ такому взгляду ученіе о „средѣ“:

„Общество скверно, потому и мы скверны; но мы богаты, мы обезпечены, насъ миновало только случайно то, съ чѣмъ вы столкнулись. Столкнись мы — сдѣлали-бы тоже самое что и вы. Кто виноватъ? Среда виновата. И такъ есть только подлое устройство среды, а преступлений нѣтъ вовсе”.

Вотъ въ этомъ-то софистическомъ выводѣ и состоитъ тотъ фортель, о которомъ я говорилъ.

Нѣтъ, народъ не отрицаетъ преступления и знаетъ, что преступникъ виновенъ. Народъ знаетъ только что и самъ онъ виновенъ вмѣстѣ съ каждымъ преступникомъ. Но обвиняя себя, онъ тѣмъ то и доказываетъ, что не вѣрять въ „среду”; вѣрять напротивъ, что среда зависитъ вполнѣ отъ него, отъ его непрерывнаго покаянія и самосовершенствованія. Энергія, трудъ и борьба, — вотъ чѣмъ перерабатывается среда. Лишь трудомъ и борьбой достигается самобытность и чувство собственнаго достоинства. „Достигнемъ того, будемъ лучше и среда будетъ лучше”. Вотъ что, невысказанно, ощущаетъ сильнымъ чувствомъ въ своей сокрытой идеѣ о несчастіи преступника русскій народъ.

Представьте же теперь, что если самъ преступникъ, слыша отъ народа, что онъ „несчастнѣйшій”, сочтетъ себя только несчастнымъ,

а не преступникомъ. Вотъ тогда-то и отшатнется отъ такого лжетолкованія народъ и назоветъ его измѣною народной правдѣ и вѣрѣ.

Я бы могъ представить и примѣры тому, но отложимъ ихъ пока и скажемъ такъ:

Преступникъ и намѣревающийся совершить преступленіе — это два разные лица, но одной категоріи. Что же, если, приготовляясь къ преступленію сознательно, преступникъ скажетъ себѣ: „Нѣтъ преступленія!“ Что, назоветъ его народъ „несчастливымъ?“

Можетъ и назоветъ; безъ сомнѣнія назоветъ; народъ жалостливъ; да и ничего нѣтъ несчастнѣе такого преступника, который даже пересталъ себя считать за преступника: это животное, это звѣрь. Чтожъ въ томъ, что онъ не понимаетъ, что онъ животное и заморилъ въ себѣ совѣсть? Онъ только вдвое несчастнѣе. Вдвое несчастнѣе, но и вдвое преступнѣе. Народъ пожалѣетъ и его, но не откажется отъ правды своей. Никогда народъ, называя преступника „несчастливымъ“ не переставалъ его считать за преступника! И не было бы у насъ сильнѣе бѣды какъ если бы самъ народъ согласился съ преступникомъ и отвѣтилъ ему: „Нѣтъ, не виновенъ, ибо нѣтъ преступленія!“

Вотъ наша вѣра, наша общая вѣра хотѣлось бы мнѣ сказать; вѣра всѣхъ уповающихъ и ожидающихъ. Прибавлю еще два слова.

Я былъ въ каторгѣ и видалъ преступниковъ, „рѣшенныхъ“ преступниковъ. Повторяю, это была долгая школа. Ни одинъ изъ нихъ не переставалъ себя считать преступникомъ. Съ виду это былъ страшный и жестокий народъ. „Куражились“, впрочемъ, только изъ глупенькихъ, новенькіе и надъ ними смѣялись. Большею частью народъ былъ мрачный, задумчивый. Про преступленія свои никто не говорилъ. Никогда не слыхалъ я никакого ропота. О преступленіяхъ своихъ даже и нельзя было вслухъ говорить. Случалось, что раздавалось чье нибудь слово, съ вызовомъ и вывертомъ, и — „вся каторга“, какъ одинъ человекъ, осаживала выскочку. Про *это* не принято было говорить. Но, вѣрно говорю, можетъ ни одинъ изъ нихъ не миновалъ долгого душевнаго страданія внутри себя, самага очищающаго и укрѣпляющаго. Я видалъ ихъ одиноко задумчивыхъ, я видалъ ихъ въ церкви молящихся передъ исповѣдью; прислушивался къ отдѣльнымъ внезапнымъ словамъ ихъ, къ ихъ восклицаніямъ; помню ихъ лица, о — повѣрьте, никто изъ нихъ не считалъ себя правымъ въ душѣ своей!

Не хотѣлъ бы я чтобы слова мои были приняты за жестокость. Но все—таки я осмѣлюсь высказать. Прямо скажу: строгимъ наказаніемъ, острогомъ и каторгой вы можетъ быть половину

спасли—бы изъ нихъ. Облегчили бы ихъ, а не отяготили. Самоочищеніе страданіемъ легче, легче говорю вамъ, чѣмъ та участь, которую вы дѣлаете многимъ изъ нихъ сплошнымъ оправданіемъ ихъ на судѣ. Вы только вселяете въ его душу цинизмъ, оставляете въ немъ соблазнительный вопросъ и насмѣшку надъ вами же. Вы не вѣрите? Надъ вами же, надъ судомъ вашимъ, надъ судомъ всей страны! Вы вливаете въ его душу безвѣріе въ правду народную, въ правду Божію; оставляете его смущеннаго... Онъ уходитъ и думаетъ: „Э, да вотъ какъ теперь, нѣту строгости. Поумнѣли знать. Боятся можетъ. Значить оно можно и въ другой разъ также. Понятно, коли я былъ въ такой нуждѣ — какъ же было не своровать”.

И неужто вы думаете, что отпуская всѣхъ сплошь невиновными или „достойными всякаго снисхожденія”, — вы тѣмъ даете имъ шансъ исправиться? Станетъ онъ вамъ исправляться! Какая ему бѣда! „Значить пожалуй я и не виновень былъ вовсе”, — вотъ что онъ скажетъ *въ концѣ концовъ*. Сами же вы натолкнете его на такой выводъ. Главное то, что вѣра въ законъ и въ народную правду расшатывается.

Еще недавно я жилъ нѣсколько лѣтъ сряду за границей. Когда я выѣхалъ изъ Россіи, новый судъ только что у насъ начинался. Съ какою

жадностью я читаль тамъ все, что касалось русскихъ судовъ, въ нашихъ газетахъ. За границей я тоже съ горечью смотрѣль на нашихъ абсентеистовъ; на дѣтей ихъ, не знающихъ роднаго языка или забывающихъ его. Мнѣ ясно было, что половина ихъ самою силою вещей обратится подъ конецъ въ эмигрантовъ. Объ этомъ мнѣ всегда было больно думать: столько силъ, столько можетъ быть лучшихъ людей, а у насъ такъ нуждаются въ людяхъ! Но иногда, выходя изъ читальной залы, ей Богу, господа, я невольно мирился съ абсентеизмомъ и съ абсентеистами. Сердце поднималось до боли. Читаешь, — тамъ оправдали жену, убившую мужа. Преступленіе явное, доказанное; она сознается сама: „Нѣтъ, не виновна“. Тамъ молодой человѣкъ разламываетъ кассу и крадетъ деньги: „Влюбленъ дескать очень былъ, надо было денегъ добыть, любовницѣ угодить“, — „Нѣтъ, не виновень“. И хоть бы всѣ эти случаи оправдывались состраданіемъ, жалостью; то-то и есть, что не понималъ я причинъ оправданія, путался. Впечатлѣніе выносилось смутное и — почти оскорбительное. Въ эти злыя минуты мнѣ представлялась иногда Россія какой-то трясиной, болотомъ, на которомъ кто-то затѣялъ построить дворець. Снаружи почва какъ бы и твердая, гладкая, а между тѣмъ это нѣчто въ родѣ

поверхности какого нибудь гороховаго киселя, ступите и такъ и скользнете внизъ, въ самую бездну. Я очень упрекалъ себя за мое малодушіе; меня ободряло, что все—таки я издали могу ошибаться, что все—таки я покамѣсть тотъ же абсентеистъ, не вижу близко, не слышу ясно...

И вотъ я давно уже снова на родинѣ.

„Да полно жалко ли имъ въ самомъ дѣлѣ“, — вѣдь вотъ вопросъ! Не смѣйтесь, что я придаю такую важность ему. „Жалость“ по крайней мѣрѣ хоть что—нибудь и какъ нибудь объясняетъ, хоть изъ потемокъ выводить, а безъ этого послѣдняго объясненія — одно недоумѣніе, точно мракъ, въ которомъ живетъ какой—то сумасшедшій.

Мужикъ забиваетъ жену, увѣчитъ ее долгіе годы, ругается надъ нею хуже чѣмъ надъ собакой. Въ отчаяніи, рѣшившись на самоубійство, идетъ она почти обезумѣвшая въ свой деревенскій судъ. Тамъ отпускаютъ ее, проямливъ ей равнодушно: „Живите согласнѣ“. Да развѣ это жалость? Это какія—то тупыя слова проснувагося отъ запоя пьяницы, который едва различаетъ что вы стоите предъ нимъ, глупо и безпредметно машетъ на васъ рукой, чтобы вы не мѣшали, у котораго еще не ворочается языкъ, чадъ и безуміе въ головѣ.

Исторія этой женщины, впрочемъ, извѣстна, слишкомъ недавняя. Ее читали во всѣхъ газетахъ

и можетъ быть еще помнѣть. Просто за—просто жена отъ побоевъ мужа повѣсилась; мужа судили и нашли достойнымъ снисхожденія. Но мнѣ долго еще мерещилась вся обстановка, мерещится и теперь...

Я все воображалъ себѣ его фигуру: сказано, что онъ высокаго росту, очень плотнаго сложенія, силенъ, бѣлокуръ. Я прибавилъ бы еще: съ жидкими волосами. Тѣло бѣлое, пухлое, движенія медленныя, важныя; взглядъ сосредоточенный; говорить мало и рѣдко, слова роняетъ какъ многоцѣнный бисеръ и самъ цѣнитъ ихъ прежде всѣхъ. Свидѣтели показали что характера былъ жестокаго: поймаешь курицу и повѣситъ ее за ноги, внизъ головой, такъ, для удовольствія, это его развлекало: превосходная, характернѣйшая черта! Онъ билъ жену чѣмъ попало, нѣсколько лѣтъ сряду, — веревками, палками. Вынетъ половицу, просунетъ въ отверстіе ея ноги, а половицу притиснетъ, и бьетъ, и бьетъ. Я думаю, онъ и самъ не зналъ за что ее бьетъ, такъ, по тѣмъ же вѣроятно мотивамъ, по которымъ и курицу вѣшалъ. Морилъ тоже голодомъ, по три дня не давалъ ей хлѣба. Положить на полку хлѣбъ, ее подзоветъ и скажетъ: „не смѣй трогать хлѣба, это *мой* хлѣбъ“, — чрезвычайно характерная тоже черта! Она побиралась съ девятилѣтнимъ ребенкомъ у

сосѣдей, дадутъ хлѣбца, поѣдятъ, не дадутъ — сидятъ голодомъ. Работу съ нея спрашивалъ; все она исполняла неуклонно, безсловесно, запуганно и стала наконецъ какъ помѣшанная. Я воображаю и ея наружность: должно быть очень маленькая, исхудавшая какъ щепка женщина. Иногда это бываетъ что очень большіе и плотные мужчины, съ бѣлымъ, пухлымъ тѣломъ, женятся на очень маленькихъ, худенькихъ женщинахъ (даже наклонны къ такимъ выборамъ, я замѣтилъ) и такъ странно смотрѣтъ на нихъ, когда они стоятъ или идутъ вмѣстѣ. Мнѣ кажется, что еслибы она забеременѣла отъ него въ самое послѣднее время, то это была бы еще характернѣйшая и необходимѣйшая черта, чтобы восполнить обстановку; а то чего-то какъ будто недостаетъ. Видали ли вы какъ мужикъ сѣчетъ жену? Я видалъ. Онъ начинаетъ веревкой или ремнемъ. Мужичья жизнь лишена эстетическихъ наслажденій — музыки, театровъ, журналовъ; естественно, надо чѣмъ нибудь восполнить ее. Связавъ жену или забивъ ея ноги въ отверстіе половицы, нашъ мужичокъ начиналъ, должно быть методически, хладнокровно, сонливо даже, мѣрными ударами, не слушая криковъ и моленій; то-есть именно слушая ихъ, слушая съ наслажденіемъ, а то какое было бы удовольствіе ему бить? Знаете,

господа, люди рождаются въ разной обстановкѣ: неужели вы не повѣрите, что эта женщина, въ другой обстановкѣ, могла бы быть какой нибудь Юліей или Беатриче изъ Шекспира, Гретхень изъ Фауста? Я вѣдь не говорю, что была, и было бы это очень смѣшно утверждать, но вѣдь могло быть въ зародышѣ и у ней нѣчто очень благородное въ душѣ, пожалуй не хуже чѣмъ и въ благородномъ сословіи, любящее, даже возвышенное сердце, характеръ, исполненный оригинальнѣйшей красоты. Уже одно то, что она столько медлила наложить на себя руки, показываетъ ее въ такомъ тихомъ, кроткомъ, терпѣливомъ, любящемъ свѣтѣ. И вотъ эту—то Беатриче или Гретхень съкутъ, съкутъ какъ кошку! Удары сыплются все чаще, рѣзче, безчисленнѣе; онъ начинаетъ разгорячаться, входитъ во вкусъ. Вотъ уже онъ озвѣрѣлъ совсѣмъ и самъ съ удовольствіемъ это знаетъ. Животные крики страдальцы хмѣлятъ его какъ вино: „Ноги твои буду мыть, воду эту пить,“ — кричитъ Беатриче нечеловѣческимъ голосомъ, наконецъ затихаетъ, перестаетъ кричать и только дико какъ—то кряхтитъ, дыханіе поминутно обрывается, а удары тутъ—то и чаще, тутъ—то и садче... Онъ вдругъ бросаетъ ремень, какъ ошалѣлый схватываетъ палку, сучокъ, что попало, ломаетъ ихъ съ трехъ послѣднихъ

ужасныхъ ударовъ на ея спинѣ, — баста! Отходить, садится за столъ, въздыхаетъ и принимается за квась. Маленькая дѣвочка, дочь ихъ (была же и у нихъ дочь!) на печкѣ въ углу дрожить, прячется: она слышала какъ кричала мать. Онъ уходитъ. Къ разсвѣту мать очнется, встанетъ охая и вскрикивая при каждомъ движеніи, идетъ доить корову, тащится за водой, на работу. А онъ ей уходя своимъ методическимъ, медленнымъ и важнымъ голосомъ: „Не смѣй ѣсть этотъ хлѣбъ, это *мой* хлѣбъ”.

Подъ конецъ ему нравилось тоже вѣшать ее за ноги, какъ вѣшаль курицу. Повѣсить должно быть, а самъ отойдетъ, сядетъ, примется за кашу, поѣстъ, потомъ вдругъ опять возьметъ ремень и начнетъ и начнетъ висячую... А дѣвочка все дрожить скорчившись на печи, дико заглянетъ украдкой на повѣшенную за ноги мать и опять спрячется...

Она удавилась въ маѣ, по утру, должно быть въ ясный весенній день. Ее видѣли наканунѣ избитую, совсѣмъ обезумѣвшую. Ходила она тоже передъ смертью въ волостной судъ и вотъ тамъ—то и проямлили ей: „Живите согласнѣ”.

Когда она повѣсилась и захрипѣла, дѣвочка закричала ей изъ угла: „Мама, на что ты давишься?” Потомъ робко подошла, окликнула

всѣвшую, дико осмотрѣла ее и нѣсколько разъ въ утро подходила изъ угла на нее смотрѣть, до самыхъ тѣхъ поръ какъ воротился отецъ.

И вотъ онъ передъ судомъ, — важный, пухлый, сосредоточенный; запирается во всемя: „Душа въ душу жили“, роняетъ онъ цѣннымъ бисеромъ рѣдкія слова. Присяжные выходятъ и по „краткомъ совѣщаніи“ выносятъ приговоръ:

„Виновень, но достоинъ снисхожденія“.

Замѣтьте, что дѣвочка свидѣтельствовала противъ отца. Она рассказала все и исторгла, говорятъ, слезы присутствующихъ. Еслибы не „снисхожденіе“ присяжныхъ, то его сослали бы на поселеніе въ Сибирь. Но съ „снисхожденіемъ“ ему только восемь мѣсяцевъ пробыть въ острогѣ, а тамъ воротится домой и потребуетъ къ себѣ свидѣтельствовавшую противъ него за мать дѣвочку. Будетъ кого опять за ноги вѣшать.

„Достинъ снисхожденія“! И вѣдь этотъ приговоръ данъ за знамо. Знали вѣдь что ожидаетъ ребенка. Къ кому, къ чему снисхожденіе? Чувствуешь себя какъ въ какомъ-то вихрѣ; захватило васъ и вертитъ, и вертитъ.

Постойте, расскажу еще анекдотъ.

Когда-то, еще до новыхъ судовъ (впрочемъ, не задолго до нихъ) прочиталъ я въ нашихъ газетахъ вотъ какой одинъ фактикъ: мать таскала на рукахъ ребенка годоваго или четырнадцати

мѣсяцевъ. Въ этотъ возрастъ идутъ зубки; дѣти нездоровы, плачутъ и очень мучаются. Надоѣлъ ребенокъ матери, можетъ и дѣла у ней было много, а тутъ таскай его на рукахъ и слушай его раздирающій плачь. Озлилась она. А впрочемъ, неужто бить за это такого маленькаго ребеночка? Вѣдь такъ жалко прибить его, и что онъ смыслить? Вѣдь онъ такъ беспомощень, зависитъ отъ послѣдней пылинки... Вѣдь и не уймешь коли прибьешь: онъ залъется своими слѣзками и васъ же обхватитъ ручками, а то васъ же начнетъ цаловать и плачетъ и плачетъ. Но она не прибила его, а тамъ въ комнатѣ кипѣлъ самоваръ. Она поднесла ручку ребенка подъ самый кранъ и отвернула кранъ. Она выдержала ручку подъ кипяткомъ секундъ десять.

Это фактъ, я читаль. Но вотъ, представьте, что это случилось теперь и эту женщину вызвали въ судъ. Присяжные удаляются и „по краткомъ совѣщаніи" выносятъ приговоръ:

„Достойна всякаго снисхожденія".

Ну представьте это себѣ; я по крайней мѣрѣ матерей приглашаю представить. То-то должно быть вертѣлся бы тутъ адвокатъ:

— Господа присяжные, конечно, случай этотъ нельзя назвать вполнѣ гуманнымъ, но возьмите дѣло въ его цѣлости, представьте среду, обстановку. Эта женщина бѣдна, одна въ домѣ

работница, терпитъ неприятности. Ей не на что было даже няньку нанять. Естественно, что подъ такую минуту, когда злоба отъ заѣвшей среды входитъ, такъ сказать, внутрь, господа, естественно что она и поднесла ручку подъ кранъ самовара... ну и... и...

О, конечно, я понимаю всю полезность и всю высоту адвокатскаго званія, всѣми уважаемаго. Но нельзя же не взглянуть иногда съ одной точки, – согласенъ, легкомысленной, но и невольной: вѣдь какова же иногда ихъ должность каторжная, подумаешь про себя, вертится, изворачивается какъ ужъ, лжетъ противъ своей совѣсти, противъ собственнаго убѣжденія, противъ всякой нравственности, противъ всего человѣческаго! Нѣтъ, подлинно не даромъ деньги берутъ.

– Да подите! восклицаетъ вдругъ давешній язвительный голосъ. Вѣдь все это вздоръ и одна только ваша фантазія. Никогда не выносили такого приговора присяжные. Никогда не вертѣлся адвокатъ. Все напредставили.

А жена привѣшенная вверхъ ногами какъ курица, а „это мой хлѣбъ, не смѣй ѣсть его“, а дѣвочка дрожащая на печи, полчаса слушающая крики матери, а „мама, на что ты давишься?“ – это развѣ не тоже самое что и ручка подъ кипяткомъ? Вѣдь почти тоже самое!

„Неразвитость, тупость, пожалѣйте, среда“, настаивалъ адвокатъ мужика. Да вѣдь ихъ милліоны живутъ и не всѣ же вѣшаютъ женъ своихъ за ноги! Вѣдь все таки тутъ должна быть черта... Съ другой стороны вотъ и образованный человѣкъ да сейчасъ повѣсится. Полноте вертѣться, господа адвокаты, съ вашей „средой“.

Ф. Достоевскій.

НАПОЛЕОНЪ III.

И ты свершилъ свой подвигъ роковой,
Великихъ силъ двусмысленный наслѣдникъ,
Мужъ не судебъ, а мужъ случайности слѣпой,
Ты сфинксъ разгаданный — и пошлою толпой!
Но правды Божьей, неземной,
Неотразимый проповѣдникъ,
Ты міру доказалъ, какъ шатко все, въ чѣмъ
нѣтъ

Той правды внутренней! И доказалъ на дѣлѣ:
Ты, волновавшій міръ безъ цѣли,
Всѣ эти двадцать бурныхъ лѣтъ, —
Ты много, много лжи посѣялъ
И много бурь ты возрастилъ,
И уцѣлѣвшаго развѣялъ,
И собраннаго расточилъ!
Народъ, взложившій на тебя вѣнецъ,

Ты ложью развратилъ и погубилъ въ конецъ,
И, вѣрнй своему призванью,
Оторопѣвшій мѣръ игрой своей смутя,
Какъ неразумное дитя,
Ты предаль долгому шатанью!

Спасенья нѣтъ въ насильи и во лжи —
Какъ ни орудуй ими смѣло —
Для человѣческой души,
Для человѣческаго дѣла!
Знай, торжествующій (ктобъ нынѣ ни былъ
онь!)
Во всеоружіи насилья и обмана, —
Прійдетъ и твой чередъ, и поздно или рано,
Ты ими жъ будешь побѣжденъ!

Но въ искупленье темныхъ дѣлъ
Ты міру завѣщаль одинъ урокъ великій....
Да вразумятся имъ народы и владыки
И всякій, ктобъ тебѣ соревновать хотѣлъ:
Лишь тамъ, лишь въ той семьѣ народной,
Гдѣ съ властью высшею живая связь слышна,
И гдѣ она закреплена
Взаимной вѣрою и совѣстью свободной,
Гдѣ святы всѣ ея условья,
И ею весь народъ одушевленъ, —
Стоить ли у престола онъ
Или стоитъ у изголовья

Одра, гдѣ царскій сынъ лежалъ,
И сей народъ — еще недавно —
Тотъ одръ болѣзни окружалъ
Своей молитвой православной, —
О, тутъ измѣнѣ мѣста нѣтъ
Ни разнообразнымъ ухищреньямъ,
И крайне жалокъ былъ бы тотъ,
Кто бь этотъ оскорбилъ народъ
Иль клеветой, иль подозрѣнемъ!

Ө. Тютчевъ.

МОСКОВСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Кто прочелъ замѣчательные по таланту автора и по художественности очерки русскаго раскольничьяго быта, появляшіеся (въ „Русск. Вѣстн.“) подъ заглавіемъ „Въ лѣсахъ“, въ томъ, безъ сомнѣнія, не скоро ослабѣло сильное впечатлѣніе, полученное изъ этого чтенія. Къ сожалѣнію, русская беллетристика въ послѣднее десятилѣтіе рѣдко, очень рѣдко даритъ читателей серьезными рассказами о русской народной жизни во всѣхъ ея сторонахъ. Между тѣмъ, если бы въ средѣ нашихъ писателей нашлось для обстоятельнаго изображенія напр. быта раскольничьяго столько художественныхъ силъ, сколько появилось ихъ въ свое время для

обличенія крѣпостнаго рабства, если бы эти силы столь-же были дѣятельны въ раскрытіи помянутаго быта, сколько потрудились наши лучшіе беллетристы, очертивъ намъ хотя не вполне, но все-таки въ многихъ существенныхъ чертахъ быть крѣпостной и крѣпостнической, то навѣрное расколъ болѣе возбуждалъ бы къ себѣ общественнаго вниманія, чѣмъ возбуждаетъ до сихъ поръ. Правда, напр. чешскому историку Палацкому довольно было ознакомиться съ весьма плохенькимъ сочиненіемъ г. Щапова о русскомъ расколѣ, чтобы съ полнѣйшимъ уваженіемъ отнестись къ послѣднему, хотя бы чувствомъ оцѣнивъ значеніе столь громаднаго явленія въ русскомъ историческомъ развитіи, и увидавъ въ лицѣ раскола живое опроверженіе странно составившемуся мнѣнію о духовной косности русскаго народа; но серьезно образованный историкъ видно *привыкъ вдумываться въ смыслъ* всякой народной жизни и ея явленій; не то представляетъ отважная плеяда нашихъ либеральнѣйшихъ, преимущественно петербургскихъ, лже-историковъ; ихъ сочиненія, подобныя указанному Щаповскому, назначены всего болѣе лишь бить въ носъ острымъ букетомъ разнаго смѣшнаго по наивности, чисто школьнаго якобы — свободомыслія. Довольно, если

духовный желудокъ большинства русскихъ читателей на столько напичкивается пищею, представляемою такими сочиненіями, что производить въ сихъ читателяхъ, не безъ ущерба ихъ дѣйствительной умственной свободы и ясности, нѣкоторую либеральную отрыжку на болѣе или менѣе долгій срокъ. А затѣмъ самыя сочиненія могутъ быть забыты читателями, лишь бы остались въ ихъ памяти общія теоретическія положенія въ видѣ незыблемыхъ догматовъ, святую истину которыхъ осмѣлится отрицать развѣ только какая нибудь немыслящая голова, зачумленная классицизмомъ. Догматы же, выражаемые напр. въ слѣдующихъ положеніяхъ — споры раскольничьи объ антихристѣ, о двоеперстіи и т. д. есть выраженіе русскаго тупоумія; глупый русскій народъ очень уменъ въ своемъ раскольничьемъ демократизмѣ и т. п., — эти догматы должны корениться въ одной основной мысли: такой то NN читаетъ популярныя книжки по химіи, или хоть предполагается читающимъ; потому онъ можетъ быть талантливымъ историкомъ; и такъ онъ свѣтлый „новый человекъ" и великая литературная сила, ибо пишетъ въ такомъ-то журналѣ...

„Блаженъ кто вѣруеть, тепло тому на свѣтѣ!"
Не отъ избытка ли вѣры въ догматы, подобные

вышеуказаннымъ, происходитъ то блаженство почти всей интеллигенціи, то самоуслажденіе нравственное, которое мѣшаетъ ей внимательно и живо относиться къ русской жизни, благодаря которому царить убійственная апатія общественная ко всякимъ болѣе возвышеннымъ запросамъ ума и чувства? Не мертвень ли напр. тотъ петербургскій „либеральный квіетизмъ“, для котораго всѣ явленія русской жизни, схоластически растасованныя по извѣстнымъ произвольнымъ рубрикамъ, заранѣе объяснены, оцѣнены и никогда уже не могутъ представить въ себѣ предметовъ для *новаго* объясненія? Все, моль, рѣшено и подписано, сомнѣній нѣтъ, всякій новый фактъ жизни имѣетъ цѣну лишь какъ элементарная провѣрка извѣстной кабинетной теоріи! Но еще безотраднѣе русское самодовольство внѣ области петербургскаго литературнаго ультра-либерализма; это квіетизмъ, такъ сказать, бытовой въ видѣ какого-то чиновничьяго формализма въ жизни; это тупое безотчетное отрицаніе осмысленной и самостоятельной дѣятельности въ кругу условій, которыя опредѣлены либо извнѣ, либо силою неразумныхъ эгоистическихъ привычекъ. И всего хуже то, что такого рода квіетизмъ, такая спячка и лѣнь общественная лицемерно прикрываются благонамѣренностью, смиренномудріемъ,

благочестіемъ, и т. д. И сколько же позорной, нравственно растлѣвающей лжи въ этой вѣрѣ безвѣрной, въ этой нравственности безнравственной, въ этомъ благочестіи кощунственномъ, въ этой служебной благонамѣренности безъ смысла, безъ совѣсти, безъ жизни!

Но мы заговорили о расколѣ... Каждое крупное явленіе въ русской жизни невольно наводитъ на мысли объ извѣстныхъ преобладающихъ нравственныхъ отличіяхъ русскаго общества, особливо той части его, которая претендуетъ быть россійскою интеллигенціей. Если уже серьезныя спеціальныя изслѣдованія по расколу не интересуютъ большинства этой интеллигенціи (да и много ли такихъ изслѣдованій!), то можно бы рассчитывать, что этотъ интересъ къ живому и вдумчивому знакомству съ расколомъ возбудятъ въ ней современные обстоятельныя очерки изъ нынѣшней раскольничьей жизни; однако подобный расчетъ является пока въ области предположеній, ибо русская литература не спѣшитъ къ его оправданію; она изрѣдка угоститъ публику вѣрнымъ и удобочитаемымъ очеркомъ той или другой стороны какой либо раскольничьей секты, между тѣмъ какъ слѣдовало бы существовать цѣлой обширной

литературѣ изъ произведеній критическихъ, историческихъ и художественныхъ по расколу... „Русскій расколъ"! говорилъ покойный Хомяковъ 13 лѣтъ тому назадъ: — „Какъ мало повидимому какъ много дѣйствительно говорится въ этомъ словѣ. Грубѣйшее невежество, борода, кафтанъ, ссора съ приходскимъ священникомъ и бумажная война съ чиновникомъ, оканчивающаяся золотымъ миромъ — вотъ и все. Нѣтъ, это несовсѣмъ все. Мы такъ привыкли къ своей землѣ русской, что и не замѣчаемъ, какъ громадны размѣры всего того, что въ ней дѣлается и творится, въ добрѣ или злѣ. Русскій расколъ! Возьмите его въ его трехъ главныхъ отдѣленіяхъ, забывая даже на время объ его мелкихъ, впрочемъ не мелкихъ отросткахъ, и вы имѣете числительную массу, равную пожалуй Испаніи или тому, чѣмъ бы хотѣлось быть Пьемонту. Сама эта числительность уже заслуживаетъ вниманія. Потомъ подумайте, какъ широки его дѣйствія. Отъ Риги до Казани, до Ледовитаго океана, до Чернаго моря и Кавказа, а потомъ почти сплошною массою до Тихаго океана и до границъ Китая. Не говорю уже о томъ, что онъ перешелъ и границы Россіи, Турціи, Австріи"... Сколько же разнообразія должно существовать въ бытовыхъ проявленіяхъ раскола! Сколько выраженія различныхъ

сторонъ русскаго народнаго ума и чувства! Сколько своеобразныхъ личныхъ типовъ, сложившихся именно подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ убѣжденій и вѣрованій. А если мы опустимся въ исторію, какой благодарный, богатый и содержательный матеріаль для изслѣдователя въ прошломъ раскола! Прочтите хотя „слово на суздальскаго попа Никиту" Пустосвята (напечатано въ 1684 г.), гдѣ вы познакомитесь съ его „покаянными посланіями" къ собору, гдѣ вы увидите, какъ недюжинна личность этого страстнаго вожака раскольниковъ, какъ онъ могъ увлекать цѣлыя массы за собою, какъ онъ то смягчается и свергаетъ съ себя „темный облакъ непокорства своего" и „трепещетъ и содрогается" отъ своихъ мучительныхъ сомнѣній, то снова словомъ и дѣломъ возстаетъ противъ никоніанскихъ нововведеній. Прослѣдите характеры другихъ представительныхъ личностей изъ того времени, разберите, какъ нарастала все болѣе и болѣе масса раскольниковъ сперва чисто лишь силою религіознаго увлеченія; узнайте все значеніе энергическаго участія стрѣльцовъ въ расколъ, этихъ оригинальныхъ полуземцевъ—полувоиновъ древней Руси, оппозиція которыхъ Петру выражала оппозицію чуть ли не всего русскаго народа — по вѣрному замѣчанію К. Аксакова (въ

его книгѣ о Ломоносовѣ); къ удивленію, въ пониманіи бытоваго смысла стрѣльцовъ и ихъ участія въ расколѣ современная русская литература очень недалеко ушла отъ наивныхъ воззрѣній блаженной памяти „россійскаго Волтера" А. П. Сумарокова, испекшаго вздорную книжку о стрѣлецкихъ бунтахъ!.. А затѣмъ прослѣдите движеніе собственно религіознаго чувства въ постепенномъ развитіи и усложнявшихся видоизмѣненіяхъ раскола, т. е. прослѣдите расколъ въ той области, гдѣ человѣкъ можетъ повторять за Шиллеромъ: *mein unermesslich Reich ist der Gedanke und mein geflügelt Werkzeug ist das Wort*: тогда вы увидите, какое нравственное крѣпостничество своего рода заключается въ воззрѣніяхъ на значеніе раскола, какъ будто олицетворяющаго собою петербургски-демократическіе мотивы и съ другой стороны въ казенно-благонамѣренныхъ воззрѣніяхъ на весь расколъ, какъ на стачку чуть не какихъ то капризныхъ идіотовъ и закоренѣлыхъ злодѣевъ; вы увидите, сколько душевной силы и сердечной глубины заключается иной разъ въ самыхъ крайностяхъ раскольничьяго уклоненія отъ живой истины православной церкви; вы живо почувствуете, какъ дорого было бы свободное обращеніе этихъ многихъ заблудшихся русскихъ силъ въ лоно

русской церкви, жизнь которой требует себя оживленія въ настоящее время болѣе чѣмъ когда либо; но въ тоже время передъ вами предстанетъ во всей своей силѣ, во всѣхъ своихъ широкихъ размѣрахъ вопросъ, существуетъ ли достаточно общественныхъ нравственныхъ силъ, и по своему просвѣщенію и по энергіи готовыхъ отъ лица русской церкви содѣйствовать этому обращенію путемъ мирнаго, искренняго убѣжденія? И затѣмъ не отъ недостатка ли подобныхъ силъ происходитъ то убожество русской интеллигенціи и русской литературы въ отношеніи къ раскольничьимъ массамъ, о которомъ мы говорили выше?...

Только черезъ 206 лѣтъ (!) послѣ собора, созваннаго въ 1666 г. въ Москвѣ изъ представителей духовенства русскаго, греческаго и частію южнославянскаго собора, окончательно осудившаго раскольничьи заблужденія, открылось въ Москвѣ же 21 декабря минувшаго года, по частной инициативѣ, „общество для содѣйствія ослабленію раскола“. Это такъ именуемое братство св. Петра митрополита, о предполагавшемся устройствѣ котораго мы говорили читателямъ въ прошломъ году. Должно считать открытіе дѣятельности такого русскаго общества однимъ изъ важнѣйшихъ и отраднѣйшихъ явленій нашего общественнаго

развитія за минувшій годъ. Потому мы и позволили себѣ довольно много для лѣтучихъ замѣтокъ говорить о русскомъ расколѣ, желая хоть нѣсколько уяснить передъ читателями все важное всерусское значеніе новооткрывшагося общества, недаромъ учрежденнаго въ Москвѣ. Что указанное общество разомъ отвѣтило на дѣйствительныя потребности русской жизни, это высказалось въ сочувствіи къ нему, выраженномъ изъ разныхъ концовъ Россіи; вотъ что мы узнаемъ въ „объяснительной запискѣ, прочитанной при открытіи общества: „такое значительное количество членовъ (ихъ 292 считалось 21 числа прошлаго мѣсяца, теперь больше), приобрѣтенное братствомъ въ краткое время трехъ мѣсяцевъ его существованія, служить лучшимъ и отраднѣйшимъ свидѣтельствомъ встрѣченнаго имъ сочувствія въ средѣ благочестивыхъ и усердныхъ сыновъ и дочерей православной церкви. Читая списокъ наличныхъ членовъ нашего братства, вы съ утѣшеніемъ увидите, что это сочувствіе къ нему изъявили не только жители здѣшной столицы, составляющей собственную область его дѣятельности, но и живущіе въ Петербургѣ, Псковѣ, Рѣжицахъ, Динабургѣ, Казани, Саратовѣ, Тамбовѣ, Боровскѣ, въ Костромской, Владимірской и другихъ близкихъ губерніяхъ,

даже въ Кутаисѣ и на Кавказѣ, и духовные и міряне, и православные и такъ называемые единовѣрцы, и даже — что всего болѣе замѣчательно — нѣкоторыя лица изъ среды самихъ старообрядцевъ, оцѣнившія благу ю цѣль братства, призывающаго старообрядчество къ *мирному и безпристрастному* разъясненію предметовъ пререканій; и братство нашло несправедливымъ отказать имъ быть его членами, въ надеждѣ, что это поможетъ имъ впоследствии сдѣлаться и членами церкви православной". Конечно, дѣятельность братства проникнетъ и въ тѣ темные углы раскола, гдѣ онъ развился изъ первоначальнаго старообрядства до крайнихъ раціоналистическихъ предѣловъ, напр. духоборства и т. д. Миролюбіе и безпристрастіе — именно тѣ основы, которыя могутъ быть вѣрнымъ залогомъ прочнаго и животворнаго успѣха въ братской дѣятельности. Такимъ образомъ русскіе люди только черезъ 206 лѣтъ принялись серьезно исправлять ту колоссальную ошибку историческую, благодаря которой наша церковная жизнь пострадала. Не надо забывать слѣдующихъ мѣткихъ словъ, почему то инымъ не нравящихся, но вполне вѣрныхъ высказанныхъ Хомяковымъ въ одной его публичной рѣчи въ 1860 году: „церковный обрядъ утверждается и опредѣляется іерархіею,

но не безъ содѣйствія *всей церкви*, не безъ сочувствія и требованія *мірянъ*: обрядъ есть въ тоже время обычай. Когда въ Россіи іерархія въ XVII столѣтіи замѣтила порчу обряда и приступила къ его исправленію, она съ одной стороны *нѣсколько забыла про эти права свободы мірянъ*, а съ другой забыла, что сама она участвовала въ порчѣ, терпѣла ее, поощряла и благословляла. Она безспорно была права въ своихъ намѣреніяхъ, по неправа въ пути, который избрала. Въ дѣло исправленія обычая она вступила *не убѣжденіемъ, медленно* созидающимъ новый, лучший обычай, *а властью*, всегда враждебной обычаю и всегда оскорбительной для умственной свободы... „ (Полн. собр. сочин. Т I, 1861 г., стр. 715). И такъ въ братскомъ церковномъ единеніи и въ духѣ любви будетъ дѣйствовать помянутое московское общество. Если въ настоящее время, — должно признаться въ этомъ, — оно немного еще можетъ выставить крѣпкой духовной силы для нравственнаго состязанія съ расколомъ, то основы, которыми оно положило руководителя въ своей дѣятельности, будутъ въ тоже время и основами и импульсами для сильнѣйшаго развитія русской церковной науки и литературы, для возвышенія уровня религіознаго образованія во всемъ русскомъ обществѣ и народѣ. Путь

указанной дѣятельности, быть можетъ, сравнительно медленень, но онъ несомнѣнно вѣрный, честный и плодотворный... Замѣтимъ, что братство св. Петра будетъ составлять, печатать и распространять книги, служащія къ разъясненію разномысліи между раскольниками и церковью; затѣмъ издавать памятники древности, служащія той же цѣли; затѣмъ распространять, по возможности, устные состязанія съ раскольниками.

Теперь я передамъ нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ о другихъ болѣе видныхъ фактахъ изъ московской жизни послѣдняго времени. Вотъ, на примѣръ, общество для вспоможенія бѣднымъ гувернанткамъ и учительницамъ устроило, по примѣру прошлаго года, педагогическіе курсы для своихъ членовъ. Они уже идутъ теперь. Много собирается на нихъ гувернантокъ и учительницъ. Пока все шло хорошо. Иные лекторы, какъ на примѣръ, г. Гольденбергъ — математикъ, вызываютъ горячее сочувствіе къ своимъ лекціямъ. Но вотъ появился лекторъ исторіи (учитель изъ 1-й женской гимназіи въ Москвѣ) и вышла такая исторія: собралъ онъ себѣ нѣсколько „милыхъ малютокъ“, чтобы взрослымъ показать примѣръ образцоваго урока по исторіи съ дѣтьми; всѣ ожидали, что лекторъ будетъ просто бесѣдовать съ дѣтьми, вызывать

ихъ на отвѣты, передавать имъ простымъ языкомъ лишь матеріаль доступный дѣтскому пониманію. Не тутъ-то было! Лекторъ счелъ дѣтей за взрослыхъ; и дѣти и взрослые слушательницы должны были выслушать историко-философскую лекцію о доисторическомъ бытѣ человѣчества: какъ это тамъ были разные троглоиты, разные періоды развитія дикарей, какъ послѣдніе ѣли невареное мясо, потомъ стали ѣсть жареное и т. д. и т. п. Лекція вышла блестящая; только всѣ жаловались на плохое пониманіе ея... Но это отъ непривычки! Мы убѣждены, что черезъ двѣ, три подобныхъ лекціи даже малютки будутъ говорить объ элементахъ, о періодахъ развитія, о формахъ и феноменахъ, такъ что сами превратятся въ феномень. Въ Москвѣ должно скоро открыться, если уже не открылось, новое архитектурное училище, гдѣ ученики будутъ кончать курсъ въ званіи помощниковъ архитекторовъ. Устройство этого въ началѣ весьма скромнаго по размѣрамъ училища вызвано въ хорошихъ архитекторахъ, спросъ на которыхъ все болѣе и болѣе усиливается въ послѣдніе годы при быстро возрастающемъ числѣ новыхъ построекъ. Почти частнымъ матеріальнымъ средствамъ обязано это училище своимъ основаніемъ. Не забудемъ объ устройствѣ двухъ прекрасныхъ подмосковныхъ

народныхъ школь. Одна устроена въ Кунцовѣ (въ 7 верстахъ отъ Москвы, за Дорогомиловскою заставой г. Солдатенковымъ на его средства, которыми и содержится. Другая въ деревнѣ Листвянахъ, недалеко отъ первой отъ Москвы станціи Пушкинской, по ярославской желѣзной дорогѣ). Эта школа устроена и содержится г-жами Мамонтовыми и Барановой. Окрестное крестьянское населеніе съ живымъ сочувствіемъ встрѣтило учрежденіе этихъ двухъ школь; и напр. въ Листвянской школѣ, какъ мы слышали, болѣе 60 учащихся. Изъ благотворительныхъ дѣлъ, помянемъ о вечерѣ съ танцами въ благородномъ собраніи, имѣющемъ быть 18 января въ пользу недостаточныхъ университетскихъ студентовъ, итальянскій концертъ въ пользу которыхъ не состоялся по обстоятельствамъ, какъ говорятъ, „отъ редакціи независящимъ“. Но билеты на вечеръ уже теперь охотно раскупаются и дай Богъ, чтобы выручка отъ нихъ превзошла предполагавшуюся отъ концерта. Студенты всегда могутъ жить и безъ участія какого нибудь народнаго г. Мерелли.

Выборы городскаго головы нѣсколько изумляютъ москвичей. Но такъ какъ сегодня (2 января) еще должны они продолжаться, то мы не можемъ пока говорить о нихъ съ полною обстоятельностью. Изумленіе же происходитъ

насчетъ игры фортуны съ лицами, неожиданными такой игры... Говорятъ и о партіяхъ, и о притворной скромности, и о новыхъ окладахъ высшимъ представителямъ думы. Но обо всемъ этомъ до слѣдующаго письма. Но что возмутительно — смѣются въ большинствѣ (конечно, состоящемъ изъ купцовъ) надъ нѣкоторыми частными заявленіями, что желающій быть городскимъ головою, обязанъ предъ выборами гласно заявлять программу своей дѣятельности, если ему удастся попасть въ головы. Кажется, что можетъ быть разумнѣе и основательнѣе подобныхъ заявленій въ данномъ случаѣ?.. Нѣтъ, большинство забавляется надъ этими заявленіями, какъ надъ „заморской выдумкой“, къ намъ—де неприложимой. Что же къ намъ приложимо? Должно быть одинъ старинный стихъ: „лишь только было бы все скверно, тогда все будетъ хорошо!..“

Въ Москвѣ основывается общество подъ названіемъ товарищества для улучшенія удобствъ жизни въ Ялтѣ; оно имѣетъ цѣлью „удовлетворять потребностямъ пріѣзжающихъ для пользованія морскими купаньями, чтобы, по русской поговоркѣ, пользованіе это было дешево и сердито“. Капиталь общества 500,000 р.; полное устройство помянутыхъ удобствъ предположено

совершить въ 3 года; но и раньше этого срока русскіе люди могутъ пользоваться тѣми удобствами, которыя постепенно будутъ появляться. Судя по лицамъ учредителямъ товарищества, каковы гг. Губонинъ, Струве, кн. Воронцовъ, докторъ Боткинъ, адмиралъ Чихачевъ и т. д., можно заключить о солидности предпріятія. Нечего разъяснять, какъ важно сдѣлать „Крымъ, и именно Ялту, доступными для русскихъ людей, часто безъ толку сорящихъ деньги на „за-границу“. А при мысли о Крымѣ, о лѣтѣ, какой ужасъ проникаетъ васъ, когда вы вдругъ чувствуете, что толчетесь въ Москвѣ, надъ которой теперь повисъ какой-то на цѣлые дни туманъ; на улицахъ грязь и стукъ колесъ, ибо снѣгу нѣтъ; на весну не похоже, ибо сырой пронзительный холодъ совершенно уничтожаетъ всякое живое воспоминаніе о весеннемъ воздухѣ. Грязь такая, что пѣшкомъ ходить невозможно, и вотъ недостаточные люди испытываютъ все звѣрское хищничество московскихъ извозчиковъ, не на радующихся на подобную погоду, какъ благой поводъ къ грабительскимъ цѣнамъ за свои тряскія услуги. Кстати: мы слышали, что скоро въ Москвѣ должна открыться дѣятельность общества подъ названіемъ „Другъ коннозаводства“, имѣющая въ виду не только одну спортмэнскую прихоть, а желающее быть

коммиссіонеромъ для всѣхъ нуждающихся въ выгодной покупкѣ здоровыхъ, крѣпкихъ и вообще хорошихъ упряжныхъ лошадей, хорошей сбруи и т. д. Вотъ пора—бы устроиться въ Москвѣ солидному обществу извознаго промысла, чтобы москвичи могли пользоваться хорошою и дешевою ѣздою; конно—желѣзныя дороги, сколько бы ихъ ни настроили въ Москвѣ, не замѣнятъ ѣзды только на лошадяхъ, которыя необходимы въ Москвѣ, большею частію состоящей изъ кривыхъ и узкихъ какихъ—то тропинокъ между домами, величаемыхъ улицами...

8 числа нынѣшняго мѣсяца будетъ происходить въ московскомъ судѣ, при открытыхъ дверяхъ, разбирательство убійства, совершеннаго Нечаевымъ. Какъ мы слышали, преступникъ отказался взять себѣ защитника. — Закончу пріятнымъ извѣстіемъ: дешевая чайная, о которой я говорилъ, на этихъ дняхъ открывается; она устроена и содержится главнымъ образомъ на средства С. С. Собашниковой, А. Н. Стрекаловой и Д. Д. Селезнева. Въ чайной имѣются 6 газетъ и книги для народнаго чтенія. Стаканъ хорошаго чая съ достаточнымъ кускомъ сахару стоитъ *одну копейку* серебромъ! За чтеніе ничего не платится.

Москвичъ.

**ЭТЮДЫ ПЕТЕРБУРГСКАГО БОЛЬШАГО
СВѢТА.****III.****Отвѣтъ педагога и моралиста графинѣ
Длинноруковой.**

Въ одинъ изъ прекрасныхъ зимнихъ дней, около двѣнадцати часовъ дня, графиня Долгорукова, окончивъ свой туалетъ, вышла изъ спальни въ будуаръ, гдѣ на складномъ столикѣ, передъ кушеткою стоялъ уже сервированный чай.

Графиня, подойдя къ кушеткѣ, тронула что-то въ родѣ гуттаперчевой груши, лежавшей на столѣ, и черезъ нѣсколько мгновений явился вслѣдствіе электрическаго звонка камердинеръ графини съ серебрянымъ подносомъ въ рукѣ.

На подносѣ этомъ были газеты и письма.

Графиня взяла ихъ съ подноса, положила на столъ, затѣмъ стала разсматривать штемпеля писемъ.

— Ah, enfin! воскликнула она, увидѣвъ на одномъ изъ нихъ штемпель Женевы. Быстрымъ

движеніемъ она распечатала письмо, миленькимъ личикомъ своимъ взглянула въ него поближе и убѣдившись, что письмо было дѣйствительно давно ею ожидаемый отвѣтъ отъ швейцарскаго педагога и моралиста, положила то посланіе возлѣ подноса на столъ и затѣмъ съ веселымъ видомъ принялась за свой утренній чай.

Послѣ первой чашки, графиня закурила маленькую папирску и взяла со стола письмо.

Оно было на четырехъ страницахъ или, что тоже, было вдвое короче ея письма къ почтенному педагогу.

Графиня начала читать: „Madame“, какъ вдругъ вошелъ въ ея будуаръ графъ Длинноруковъ, красивый, хотя и пожилой генерал.

— Bonjour, Mery, сказалъ онъ и подойдя къ ней, поцаловалъ ее въ лобъ.

— Вотъ наконецъ отвѣтъ отъ Пико, сказала по французски торжествующимъ голосомъ графиня.

— Кто это Пико? спросилъ довольно равнодушнымъ тономъ графъ, принимаясь за распечатываніе газеты.

— Какъ кто? l'abbé Picaud, которому я писала на счетъ воспитанія.

— А, поздравляю, и графъ сталъ читать газету...

— Однакожь, нельзя сказать, чтобы ты очень интересовался воспитаніемъ твоихъ дѣтей, замѣтила слегка шокированная графиня.

— Еще рано объ этомъ думать, зѣвая сказала графъ; когда Никѣ будетъ двѣнадцать лѣтъ, тогда буду я этимъ воспитаніемъ интересоваться, а изъ дочерей дѣлай что хочешь... Господи, какія скучныя газеты, *jamais rien!* и графъ еще разъ зѣвнулъ, затѣмъ всталъ, началъ растягиваться, закурилъ папирску и ставъ задомъ къ камину, въ честь котораго поднялъ фалды своего сюртука, сталъ насвистывать какую-то арію изъ „Пуританъ“, пока графиня прочитывала свое письмо.

Въ письмѣ читала она слѣдующее: „Madame, вы хорошо сдѣлали, что обратились именно ко мнѣ, а не къ другому, съ вопросомъ, который повидимому вы такъ близко принимаете къ сердцу, и если я такъ откровенно и самоувѣренно говорю, то это потому, что я, такъ сказать, успѣлъ уже привыкнуть къ исповѣди русскихъ дамъ, удостоивающихъ меня своимъ довѣріемъ. Многіе изъ нихъ обращаются ко мнѣ письменно, но признаюсь, я предпочитаю имѣть дѣло съ тѣми, которыя консультируютъ меня у меня, въ моемъ домѣ и на моей родинѣ.

„Отечество и сознаніе его несомнѣнно великая вещь въ дѣлѣ воспитанія, но судя потому, что я

слышу отъ васъ всѣхъ, русскихъ дамъ, я почти пришелъ къ убѣжденію, что воспитаніе русскихъ дѣтей въ этомъ отношеніи составляетъ исключеніе и есть задача не столько патріотическая, сколько космополитическая. Вашъ Петръ Великій какъ будто для того и наложилъ свою великую и неизгладимую печать въ анналахъ русской жизни, чтобы научить русскихъ слѣдовать его примѣру и воспитываться для Россіи въ Европѣ.

„Вотъ почему, прежде чѣмъ отвѣчать на ваши вопросы, или вѣрнѣе на вашъ вопросъ: съ чего начать? я позволю себѣ дать вамъ совѣтъ: не дѣлайте ничего на половину. Если вы сознаете — а это не подлежитъ сомнѣнію, что въ вашемъ обществѣ отсутствуютъ первые элементы здраваго и хорошаго воспитанія, и если вы твердо рѣшились воспитаніемъ вашихъ дѣтей заняться, то бросьте все и приѣзжайте въ нашу свободную Швейцарію, отечество Песталоцци, и вы увидите, что въ этой новой обстановкѣ — вопросъ о воспитаніи дѣтей совсѣмъ не такъ труденъ, какъ кажется или можетъ казаться съ перваго раза.

„У насъ на всякій вопросъ составился отвѣтъ, на всякій недугъ найдено средство; и если мы умѣемъ путемъ гимнастики исправлять сгорбленные спины, то тѣмъ болѣе умѣемъ вести

воспитаніе дитяти правильно, здраво и методически.

„Къ тому же есть еще у васъ важное препятствіе къ воспитанію: это ваши попы; религія въ ихъ рукахъ дѣлается оружіемъ противъ свободы развитія совѣсти въ дитяти; оно научается культу обрядности, но остается равнодушнымъ къ сущности или къ эссенціи религіи, и всѣ лучшія усилія педагоговъ неизбѣжно должны разбиться объ этотъ подводный камень. У насъ же вы найдете разумъ религіи столько же благодатнымъ и благодарнымъ, какъ воздухъ нашей Швейцаріи, и дитя прежде чѣмъ сдѣлаться „un russe pravoslavnoi“ будетъ христіаниномъ...

— Ахъ, какъ это справедливо, сказала графиня.

— Что? спросилъ графъ.

— Послушай, и она прочла ему этотъ пассажъ о религіи.

— Ты только слушай ихъ, отвѣчалъ графъ полупрезрительнымъ и полунасмѣшливымъ тономъ, религіи въ нашъ вѣкъ не учатъ ни попы, ни твои Пико, Мишо.

— Какъ не учатъ, что съ тобой, помилуй! ты хочешь, чтобы твои дѣти были, какъ ты, атеисты?

— Во первыхъ, я не атеистъ, а деистъ, сказалъ генераль, это разница; а во вторыхъ, я

принадлежу по своимъ убѣжденіямъ къ нынѣшнему времени, а не къ прошлому, религія это дѣло совѣсти, она никого не касается.

— Ахъ, mon cher, какія ты говоришь глупости! безъ религіи развѣ можно жить? я понимаю, что можно не быть фанатикомъ или не особенно православнымъ.

— Ахъ, а propos, или нѣтъ, вовсе не а propos, ты пожалуйста не забудь сказать повару, чтобы онъ сегодня не клалъ мараскину въ мороженое, а то опять будетъ какъ тотъ разъ.

— И это государственный человѣкъ!.. Право, тебя балеть совсѣмъ идиотизируетъ; ему говорятъ о воспитаніи дѣтей, а онъ говоритъ о мараскинѣ!

— Chacun son gout, liberte de conscience, avant tout, mon ange, сказалъ графъ, и подойдя къ графинѣ протянулъ ей руку, сказавъ по русски: „однако я у тебя засидѣлся, а дѣла у меня чортова куча; а revoir madame la pedagogue, и графъ, самодовольно улыбаясь, вышелъ изъ будуара графини, но выходя онъ въ дверяхъ наткнулся на Нику, который прибѣжалъ здороваться съ мамашею.

— Здравствуй, шалунъ, сказалъ графъ, хватая сына за голову, пока тотъ целовалъ отцу руку.

— Здравствуй, папа, сказалъ Ника, выговаривая первое слово съ иностраннымъ акцентомъ.

— Гриша тебѣ глупости сказалъ, и прошу такой вздоръ не повторять, строго сказала мать, не обращая вниманія на то, что лукавые глаза Ники выражали сомнѣніе.

— Это не Гриша, мама, это его гувернеръ, сказалъ ни мало не смущаясь Ника.

— Ну все равно, гувернеръ сказалъ глупость.

— Какъ глупость? развѣ гувернеръ можетъ сказать глупость?

— Отчего же не можетъ.

— Такъ отчего же папа и мама Гриши велятъ ему слушаться этого гувернера?..

Графиня слегка была озадачена этимъ вопросомъ.

— Мама, ты мнѣ скоро дашь такого гувернера, какъ у Гриши?

— Да у тебя есть гувернеръ.

— Да, но онъ такой скучный, а у Гриши онъ такой веселый, все съ нимъ разговариваетъ... и потомъ мой гувернеръ англичанинъ, а я хочу русскаго.

— Русскаго...

— Да, мама, *partout où je vienэ*, всѣ смѣются, что я такъ дурно говорю по русски... а Гриша...

— Да что это у тебя все Гриша да Гриша, сказала мать, видимо оскорбленная тѣмъ, что безъ всякой задней мысли говорилъ ея сынъ;

Гришѣ двѣнадцать лѣтъ, а тебѣ десять: успѣешь всему научиться...

— А развѣ тебѣ пріятно, что надъ твоимъ сыномъ всѣ смѣются? вдругъ сказалъ Ника, и взглянулъ на мать такими глазами, гдѣ сказалось что то въ родѣ сознанія, что онъ сказалъ какую то совершенно новую вещь, въ первый разъ влѣзавшую и вылѣзавшую изъ его головы.

Графиню что то больно кольнуло въ сердце; ей показалось, что она вдругъ предстоить передъ судомъ своего сына и вмѣсто того чтобы взглянуть глубоко въ анализъ этого новаго чувства, она просто разсердилась, и въ одинъ мигъ рѣшила, что Ника не будетъ уже видѣться съ Гришею...

— Ты все глупости говоришь, сказала графиня своему сыну, ступай къ себѣ, пора учиться.

Ника повиновался и направился къ двери, но не доходя до дверей, остановился и на одно мгновенье задумался, потомъ вернулся назадъ, и подойдя къ матери, сказалъ:

- Мама, знаешь что?
- Что, мой другъ? сказала графиня.
- Я тебѣ скажу большой секретъ...
- Да! какой же?
- Я не хочу быть богатымъ...
- Что?

— Гриша мнѣ сказаль, что богатыхъ никто не любить, а бѣдныхъ всѣ любятъ.

На этотъ разъ какъ будто температура крови въ графинѣ повысилась на цѣлый градусъ; она вскочила съ своей кушетки, хотѣла что то сдѣлать, что то сказать, всѣ нервы заиграли и устремили свою силу въ голову, но въ то же мгновение бѣдная графиня, глядя на сына, который стояль передъ нею во всей беззащитности своего возраста, своей наивности и невинности, почувствовала, что она ничего не можетъ сказать, ничего не умѣетъ сказать: болѣе того, неумолимый материнскій инстинктъ говорилъ, что дитя это, ея дитя, не за совѣтомъ пришло къ ней, не къ авторитету ея прибѣгло сообщая объ этомъ секретѣ, а просто увѣдомляло ее объ этомъ какъ о событіи совершившемся, не признавая за нею даже права это открытіе оспаривать...

— И ты этому вѣришь? рѣшилась со страхомъ и чувствуя себя разсерженною сказать графиня.

— Вѣрю, сказаль Ника, ни мало не задумываясь.

— Все это глупости, слышишь Ника, ты долженъ вѣрить тому, что я тебѣ говорю, а Гришу ты не долженъ слушать; для Бога нѣтъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Онъ хочетъ чтобы всѣ были хорошіе люди...

— Peut-on entrer? вдругъ раздался чей-то женскій голосъ.

„Никогда такъ не кстати не раздавался этотъ голосъ“, подумала про себя графиня, и въ ту же минуту, сказавъ Никѣ чтобъ онъ шель учиться, приняла улыбающуюся физіономію и отвѣтила: certainement.

Вошла въ бархатномъ одѣяніи княгиня Мими.

— Je vous derange, ditez tout de suite, je m'en vaiez, заговорила княгиня, — фу, устала; ахъ, у тебя есть чай, какъ я рада!

— Хочешь!

— Крошечку, такъ, такъ довольно, mille grfсеэ, ну, ma chere comteэээ, поздравляю, ты просто душка, то есть такая душка, не даромъ про тебя говорилъ князь Сергій... ахъ, а ргороэ, ты знаешь кто женится: ну-ка — отгадай, je vous donne un mille, не отгадаешь.

— Коко Зубинь?

— Ахъ, какая проза, какая гадость! стала бы я заниматься Коко Зубинымъ, вотъ ужъ наша... Неужели ты не отгадаешь... поэзія, tout ce qu'il y a de plus poetique: mille fleurэ, chant du roээignol, журчанье ручейка, air de l'egliэе dans Fauэт... не air deэ bijoux, нѣтъ, air de l'egliэе... Нѣтъ, что эта Нильсонъ вчера выдѣльвала, какъ она пѣла эту арію, ты знаешь... И княгиня начала напѣвать... Ну... ну, отгадала, фу, какая несносная!

— Симбирскій.

— Ну, разумѣется, la poesie, l'air de l'eglise...

— Да я это давно знала...

— Ну полно, давно... le mot est joli — Симбирскій былъ при мнѣ ей представленъ ni plus ni moins какъ двѣ недѣли назадъ... на балѣ у Безносыхъ... Il a flaire le million, и вотъ... Что это ты читаешь письмо, вѣрно отъ бѣдныхъ? вообрази...

— Нѣтъ, это письмо отъ Пико.

— Отъ Пико? Ты въ перепискѣ съ Пико, это съ какихъ поръ? ну поздравляю... ужь не хочешь ли ты въ протестантизмъ переходить...

— А что?

— Да какъ что... развѣ ты не знаешь что онъ самый отчаянный фанатикъ протестантъ, то есть не протестантъ, а гернгутеръ или анабаптистъ, я тамъ не знаю; но знаю, что онъ мою бельсѣрь просто таки взялъ и совратилъ въ католицизмъ самый ужасный.

— Какъ католицизмъ?..

— Ну да, католицизмъ...

— То есть въ протестантизмъ...

— Ахъ, что я, дура эдакая, сама не знаю что говорю... Ты говоришь про Пико, а я сейчасъ думала про Нишо. Однако прощай... я ухожу отъ тебя въ ужаснѣйшемъ горѣ...

— Это отчего?

— Да какже, помилуй, я себя хотѣла поразить извѣстіемъ о Симбирскомъ, а ты приняла это какъ стаканъ воды... Прощай...

Пріятельницы поцаловались и княгиня ушла. Графиня опять очутилась одна передъ недочитаннымъ письмомъ Пико, и подъ впечатлѣньемъ разговора съ сыномъ.

— *Que faire?* спросила она себя; повинуюсь какому то повелительному инстинктивному побужденію, она шагнула впередъ еще шагъ, а затѣмъ отправилась прямо къ графу; но шагъ ея былъ не твердъ, ибо она предчувствовала, что все что скажетъ ей графъ не можетъ снять съ нея тяжелаго бремени новыхъ впечатлѣній.

— Что тебѣ? спросилъ графъ, сидя за письменнымъ столомъ, съ бумагами передъ собою.

— Послушай, что намъ дѣлать? вообрази себѣ, что у этого Гриши Обжогина гувернеръ оказывается просто нигилистомъ, который научаетъ его Богъ знаетъ какимъ глупостямъ.

— Съ чѣмъ его и поздравляю, сказалъ не подымая носа съ бумагъ графъ.

— Ты знаешь что благодаря ему мнѣ сейчасъ сказалъ Ника: что бѣдныхъ всѣ любятъ, а богатыхъ не надо любить... какъ тебѣ это нравится, а *dix ané?*

— Высѣки его и дѣло съ концемъ, больше такихъ глупостей повторять не будетъ...

— Ахъ, Georgeэ, какой ты несносный, съ тобой ни о чемъ нельзя говорить серьезно; *il faut donc faire quelque chose*, вѣдь нельзя это такъ оставить; — во первыхъ надо предупредить родителей Гриши, а съ Никою что намъ дѣлать?..

— Высѣчь, высѣчь и высѣчь — сказала графъ; ты спрашиваешь мое мнѣніе, я тебѣ его говорю, а тамъ дѣлай, какъ знаешь.

Графиня, ничего не отвѣчая, повернулась и быстрыми шагами вышла изъ кабинета графа.

Вернувшись къ себѣ, она позвонила.

Вошелъ лакей.

— Позвать господина Джонсонъ.

Черезъ двѣ минуты вошелъ въ будуаръ мистеръ Джонсонъ, англичанинъ, гувернеръ Ники.

— Послушайте, мистеръ Джонсонъ, заговорила графиня по англійски, вы замѣчали отношенія товарища Ники, Гриши, къ своему гувернеру?

— Oh yeэ perfectly, отвѣчалъ англичанинъ, этотъ гувернеръ очень передовой человѣкъ.

— Какъ? вы это знали и мнѣ ничего не сказали, съ негодованіемъ отвѣтила графиня, да развѣ вы не знаете, какой вредъ отъ этого можетъ произойти для моего сына?

— Oh no, энергично и полунасмѣшливо возразилъ англичанинъ; я напротивъ очень радъ этому.

— Какъ рады?

— Certainly; мой принципъ — полная свобода мальчика для умственного его развитія; онъ долженъ все знать, все понимать, начиная съ десяти лѣтъ, и если Гриша имѣетъ на него вредное вліяніе, тѣмъ лучше...

— Какъ тѣмъ лучше? съ ужасомъ и страхомъ, спросила графиня, помилуйте, что вы говорите, да развѣ вы не знаете, что Ника мнѣ сейчасъ высказалъ самый социалистическій принципъ...

— Я знаю, и все таки говорю: тѣмъ лучше; вѣдь согласитесь, графиня, что въ сто разъ было бы хуже, еслибы вашъ сынъ всѣ эти ужасныя вещи, какъ вы ихъ называете, узнавалъ тогда, когда уже будетъ поздно его воспитывать, восемнадцати ила двадцати лѣтъ напримѣръ.

— Ни тогда, ни теперь, съ живостью отвѣчала графиня, графъ Длинноруковъ коммунистомъ быть не можетъ.

— О, извините меня, графиня, я иначе смотрю на вещи: надо чтобы вашъ сынъ былъ хорошій человекъ, а коммунистъ ли онъ, или имперіалистъ, это не ваше и не мое дѣло...

— Какъ не мое дѣло! съ большимъ еще ужасомъ воскликнула графиня, у которой въ

глазахъ явилось видѣніе этого англичанина въ страшномъ образѣ самаго яраго социалиста — и я этого не знала! вырвалось изъ души графини въ тотъ мигъ, когда она взглянула съ такимъ непритворнымъ ужасомъ на англичанина.

— Мы гуляемъ съ вашимъ сыномъ каждый день, неужели вы думаете, что я вожу его только по Невскому проспекту, гдѣ все чисто и красиво? о, нѣтъ, графиня, нѣтъ того грязнаго и мрачнаго угла въ нашей столицѣ, гдѣ бы я съ нимъ не была; это надо: мальчикъ во впечатлительные годы своего развитія долженъ все знать... хорошее и дурное... дабы онъ могъ совершенно самостоятельно опредѣлять значеніе этого хорошаго и дурнаго...

— Вы его водили вв..

— Даже въ кабаки и...

— Довольно, прервала его графиня, вы не понимаете, господинъ Джонсонъ, нашихъ нравовъ; я вамъ очень благодарна за все, что вы для моего сына сдѣлали... Но мы дальше жить вмѣстѣ не можемъ.

— Это моя отставка?

— Да... отвѣчала жестко графиня.

— Very well, сказалъ англичанинъ, я буду имѣть честь ждать вашихъ распоряженій на счетъ контракта...

— Вы получите все что вамъ слѣдуетъ, но съ сегодняшняго дня я васъ прошу выѣхать.

— Very well, но вы изволите заплатить за номеръ гостиницы.

— Все что хотите.

Англичанинъ поклонился и вышелъ.

Никогда еще такъ сильно не была взволнована графиня материнскою заботою, какъ въ эту минуту. Цѣлый міръ дотолѣ ей невѣдомый вдругъ открылся передъ нею необъятно великимъ и широкимъ, и во всю эту ширину и даль, графиня ничего не видѣла другаго, какъ фантастическія чудовища съ ужасными раскрытыми пастьми, посреди которыхъ она видѣла сына ежеминутно приближающимся то къ одному, то къ другому.

Но и другое еще сильнѣйшее чувство волновало ея грудь. Она была оскорблена и глубоко, насквозь, такъ сказать, оскорблена какъ мать, — и оскорблена кѣмъ же? ея сыномъ, десятилѣтнимъ Никою... Да, онъ ее оскорбилъ, ибо ни разу онъ не сказалъ ей ни слова о томъ, куда и какъ водилъ его англичанинъ...

— Какая гадость, шептала про себя графиня, и въ тоже время искала выхода изъ этого безъисходнаго положенія, искала, и ничего не находила: ни выхода, ни облегченія; бремя невѣдѣнія, бремя оскорбленія всею своею тяжестью легло на нее и давило ее...

Она машинально опустилась на кушетку, машинально обвела глазами все что возлѣ нея находилось, машинально взяла въ руки письмо швейцарца педагога и столь же машинально начала читать его съ того мѣста, на которомъ остановилась; и вотъ что она прочитала.

„Воспитаніе дитяти это тоже что леченіе больного, заочно лечить нельзя, ибо надо увидѣть, ощупать больного прежде чѣмъ опредѣлить его болезнь и предписать ему леченіе. Тоже относительно дитяти въ вопросѣ о воспитаніи его. Дитя надо выслушивать, надо наблюдать за нимъ во всѣ минуты его дня, надо ощупать его тѣлосложеніе, осмотрѣть структуру его головы, надо прислушаться къ его голосу, присматриваться къ перемѣнамъ его взгляда, наблюдать его въ разныхъ психическихъ положеніяхъ съ раннихъ уже лѣтъ: надо видѣть его серьезнымъ и веселымъ, играющимъ, задумывающимся, спящимъ и учащимся; надо видѣть его на прогулкѣ, въ обществѣ большихъ, въ обществѣ дѣтей, моложе его и старше, въ обществѣ мальчиковъ и дѣвочекъ, съ гувернеромъ и съ матерью; словомъ надо знать, что воспитаніе дитяти — это этюдъ, который имѣетъ начало, но не имѣетъ конца, ибо надо такъ воспитывать, чтобы въ минуту, когда вы скажете юношѣ: „теперь воспитаніе кончено, ты

свободенъ" — онъ почувствовалъ себя еще крѣпче прежняго подъ вліяніемъ воспитательныхъ авторитетовъ, но на этотъ разъ не принудительнаго, а свободнаго"...

Графиня уже не читала машинально, нѣтъ съ блестящими глазами она впивалась душою въ каждую букву и страдала, ахъ, ужасно, невыносимо страдала, ибо что ни буква, то казалось ей — упрекъ, упрекъ, страшный упрекъ ей за все прошедшее...

„Теперь на всѣ эти нюансы воспитательнаго дѣла у насъ есть отвѣты, стройно и точно выработанные; у насъ все есть, начиная съ системъ воспитанія по физическому возрасту и по физическому устройству дитяти и кончая примѣненіемъ педагогической науки къ дѣтямъ сообразно ихъ умственнымъ способностямъ.

„Повѣрьте, вы не раскаетесь, если послѣдуете моему совѣту и рѣшитесь воспитывать сына вашего такъ, чтобы сдѣлать изъ него прежде всего человѣка”.

— Человѣка, человѣка, все то же, и онъ говоритъ. Господи, да какъ же это я сдѣлаю изъ него человѣка, когда я ничего не знаю; вѣдь мой сынъ мнѣ ничего не говоритъ... Это ужасно... что мнѣ дѣлать?..

— Мери, Мери, раздался голосъ мужа, входившаго къ ней, Мери, душа моя, насъ зовутъ

завтра на балъ ко двору, а у тебя ничего не заказано?..

— Нѣтъ ничего.

— Да какъ же это можно, душа моя; *s'eat un petit bal*. Ради Бога, пошли сейчасъ за *mademoiselle Henriette*.

— Балъ, завтра, протирая себѣ глаза, сказала медленно и тихо графиня, какъ будто просыпаясь отъ сна...

— Да, да, да что это ты точно спишь; маленькій балъ — не забудь.

— Ахъ, Господи, и съ этими словами графиня встала, позвонила и вытягиваясь сказала: да что же мнѣ заказать, ужъ я все перепробовала *en fait de mode*э.

Вошелъ лакей.

— Шарлотту позовите.

Вошла вскорѣ затѣмъ Шарлотта, француженка камеръ-юнгфера.

— Шарлотта, пошлите пожалуйста за *mademoiselle Henriette*, и чтобъ завтра къ 7 часамъ былъ у меня Альфредъ.

— *Treэ bien, madame*.

Тотъ да не тотъ.

ГЛАСНОЕ СЛОВО НА ВСЮ МОСКВУ И ЕЯ
ОКРУГУ.

Кого изъ насъ, кто пробѣгаетъ газеты и въ ихъ говорящемъ зеркалѣ видитъ что дѣлается въ печальномъ русскомъ мѣрѣ, — кого не щемили за сердце эти разные бѣдственныя случаи народной жизни, въ которой именно жизнь—то русскаго человѣка является копѣйкою и смерть его напрасно вопіеть къ суду — къ тому великому суду общественной совѣсти, который можетъ поставить передъ собою и обличить неправость форменнаго суда и заклеить печатью несмываемаго позора лица тѣхъ г. г. ученыхъ, которые берутъ свѣточъ науки, чтобы свѣтить въ темномъ мѣстѣ закона и правды, и гасятъ этотъ свѣточъ въ крови братней.

Къ такимъ вопіющимъ происшествіямъ, которыя постоянно обслѣдуются законной властью и свидѣльствуются лицами медицинскаго вѣдомства, во всю глубину науки вскрывающими тайну смерти, — къ такимъ происшествіямъ принадлежитъ *отравленіе народа соленою рыбою.*

Испоконъ своего вѣка русскій народъ лакомился соленою бѣлужиною; ѣлъ ее вареною, ѣлъ и сырою. Говоря официальнымъ выраженіемъ, „за доброкачественностію не приходилось гоняться русскому человѣку до того, что бѣлужина, севрюжина или, наконецъ,

осетринка съ душкомъ вошли во вкусъ народный, очень прилюбились ему. Этотъ *душокъ* какъ бы сдѣлался прянымъ добавленіемъ для нашего народнаго вкуса, не знающаго другихъ пряностей, кромѣ сивухи, чеснока и лука. Но о бѣдныхъ вкусахъ русскаго народа нечего распространяться. Благо было то, что хотя плохо ѣлъ онъ, да ѣлъ себѣ здорово, какъ вдругъ, лѣтъ десять или двѣнадцать тому назадъ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появилось первое извѣстіе, что люди отравились соленою рыбою. Двое или трое поужинали въ Москвѣ сырою бѣлужиною и къ утру умерли въ страшныхъ мученіяхъ со всѣми признаками отравы.

Это первое извѣстіе произвело большое опасеніе. Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ насъ не ѣсть соленой рыбы, особливо изъ тѣхъ, которые придерживаются православныхъ постовъ? Впрочемъ, всѣ объясненія сводились къ извѣстной грубости и жадности на ѣду русскаго мужика. Мужичье обрадовалось ржавой и тухлой рыбѣ, наѣлось не въ мѣру; а жаръ, лѣто было, Успеневъ постъ, что-жь мудренаго? И безъ смерти смерть. Вслѣдъ за этимъ первымъ извѣстіемъ еще и еще начали являться случаи отравленія соленою рыбою и все въ Москвѣ и въ округѣ Москвы. Мнѣ припоминаются два поразительные случая: въ Волоколамскомъ

уѣздѣ 8 человекъ разомъ отравились и умерли отъ рыбы и, въ самой Москвѣ, какой-то заѣзжій докторъ съ двумя молоденькими дочерьми и со старухой кухаркою... Наконецъ это уже не мужичье! Но что-же оно такое, это убійство людей соленою рыбою и единственно въ сердцѣ Россіи, въ первопрестольной Москвѣ и ея округѣ? Въ Петербургѣ не было ни одного подобнаго случая. Положимъ, Петербургъ особая статья: и полиція тамъ хороша, и климатъ суровый, самъ собою предохраняющій рыбу отъ излишней порчи. А вся остальная Россія? а наши многолюдные южные города: Одесса, Ростовъ на Дону торгующій рыбою и, наконецъ, Харьковъ съ его громаднымъ приливомъ сѣверно-русскаго народонаселенія? Когда бы неизбѣжно, какъ во время знаменитыхъ харьковскихъ ярмарокъ быть этимъ случаямъ отравленія людей соленою рыбою, когда и по порѣ весны и лѣта, и по времени подходящихъ постовъ къ Троицкой и Успенской ярмаркамъ народъ преимущественно набрасывается на соленую рыбу и еще пьетъ дурную харьковскую воду. А между тѣмъ, ни по устной молвѣ, ни по газетамъ никто не слыхалъ въ Харьковѣ и нигдѣ въ Россіи, кромѣ Москвы, чтобы можно было отравиться соленою рыбою.

Но въ московской округѣ это бѣдствіе дошло до такой послѣдовательности, что можно было

ручаться головою: съ наступленіемъ cadaго изъ четырехъ годовыхъ постовъ, непремѣнно появятся въ московскихъ газетахъ извѣстія о случаяхъ рыбоотравы. Но то были, такъ сказать, единичные случаи, въ которыхъ жертвы отравленія, сколько мнѣ помнится, не превосходили числа восьми въ одинъ разъ. А теперь — услышите!.. услышите всѣ, у кого есть уши чтобы слышать и сердце чтобы содрагаться ужасомъ, скорбію и негодованіемъ: шестьдесятъ человекъ отравлено рыбою на престольномъ праздникѣ 8 ноября текущаго года! Читайте это страшное извѣстіе въ № 257 „Русскихъ Вѣдомостей“ отъ 25 ноября. Вотъ оно все въ его ужасающей краткости:

„Намъ пишутъ изъ торговаго села Пятница Берендѣева, отстоящаго отъ Москвы въ 50 верстахъ, что прошлымъ лѣтомъ одинъ изъ мѣстныхъ торговцевъ, О-въ, привезъ съ нижегородской ярмарки купленную имъ тамъ бочку соленой бѣлуги, вѣсомъ въ 60 пудъ. Часть этой рыбы онъ продалъ другимъ торговцамъ, своимъ сосѣдямъ, которые, равно какъ и онъ самъ, пустили эту рыбу въ продажу 8 ноября, въ день мѣстнаго храмоваго праздника. Крестьяне, купившіе рыбу, стали употреблять ее въ пищу и въ одинъ день отъ этого заболѣло въ разныхъ окрестныхъ селеніяхъ *болѣе шестидесяти*

человѣкъ, изъ которыхъ по 12 число умерло 20 *человѣкъ*, остальные же хотя живы еще, но подають мало надежды на выздоровленіе. Десять *человѣкъ* изъ умершихъ были вскрыты и по вскрытіи оказалось, что смерть ихъ послѣдовала отъ недоброкачественной рыбы. Странно при этомъ то, что по осмотрѣ лавокъ вся рыба, находившаяся въ нихъ для продажи, найдена годною къ употребленію".

Что это такое? Остановитесь! ужаснитесь! Не слово, а одинъ вопль вырывается изъ души. Шестьдесятъ *человѣкъ*! даже болѣе шестидесяти *человѣкъ* отравлено всенародно на церковномъ праздникѣ и виноватаго нѣтъ! Отравились рыбою, а рыба вся найдена въ лавка годною къ употребленію. Что это такое? И это говоритъ наука, говоритъ медицинское свидѣтельствованіе послѣ вскрытія десяти труповъ!.. Общественная совѣсть, встань же ты, пробудись! Можешь ли ты оставаться удовлетворенною рѣшеніемъ этого казеннаго суда?.. Какъ? Въ 50 верстахъ отъ Москвы умираетъ шестьдесятъ *человѣкъ* отъ какого-то таинственнаго отравленія недоброкачественною рыбою, которая съ тѣмъ вмѣстѣ остается доброкачественною, и — быть тому такъ, по заявленію уѣзнаго врача, подтвержденному, безъ сомнѣнія, подписью становаго пристава? И только?.. Боже мой!..

О, какъ ты была права, мой мой далекій другъ, съ твоимъ разбитымъ сердцемъ спасаясь изъ Россіи за границу! Ты мнѣ говорила: „Тамъ умѣютъ дорожить жизнью. Тамъ заботятся всѣ о каждомъ. Ты чувствуешь что цѣлое общество стоитъ за твоей слабой спиною и не дастъ тебя попать, какъ бы ты ни была беспомощна. А здѣсь, у насъ? Въ моемъ одиночествѣ — да меня могутъ задушить, какъ подпольную мышь, и кому будетъ какая нужда"? О, какъ ты была права!.. У насъ шестьдесятъ человѣкъ отравлено и на такомъ близкомъ разстояніи отъ Москвы, что весь медицинскій факультетъ московскаго университета могъ бы подвигнуться на это зрѣлище и своимъ зажженнымъ свѣточемъ науки освѣтить, наконецъ, это темное дѣло отравленія людей, какъ крысь, соленою рыбою — могъ бы, конечно, да кому какая нужда? Шестьдесятъ мужиковъ... даже острое жало горькой насмѣшки тупѣетъ въ боли и скорби сердечнаго чувства.

Но если медицинская наука, эта блюстительница народнаго здравія, въ лицѣ врача, произведшаго вскрытіе десяти труповъ, находитъ и знаетъ только то, что въ желудкахъ умершихъ рыба не доброкачественна, а въ лавкахъ у торговцевъ вся она доброкачественна, — если представительное лицо законной власти, которому ввѣрена охрана

общества, по крайней мѣрѣ отъ насильственной смерти, не находить ничего своего объявить передъ этимъ страшнымъ зрѣлищемъ 20 труповъ, изъ которыхъ десять зіяютъ раскрытыми внутренностями, а еще сорокъ человѣкъ кончаются въ предсмертныхъ мукахъ, если это лицо, имѣющее всю власть и другое, имѣющее у себя все знаніе, молчать, — то камни не возгласятъ ли по этому дѣлу?

И вотъ я являюсь этимъ камнемъ, говорящимъ и возглашающимъ въ слухъ всего общества, чтобы оно узнало наконецъ и услышало съ ужасомъ и негодованіемъ: что не соленая рыба сама по себѣ отравляетъ людей въ Москвѣ и ея округѣ, а это — *мышьякъ! мышьякъ! мышьякъ!*

Дѣлая это заявленіе во все громоносное слово печати, я становлюсь отвѣтственнымъ лицомъ передъ обществомъ, которое имѣетъ полное право быть удивлено и ждать отъ меня самыхъ подробныхъ удостовѣрительныхъ объясненій: откуда и почему, и какимъ образомъ мнѣ, живущей почти за 1,000 верстъ, въ малороссійскомъ хуторѣ, можетъ быть извѣстно то, что совершается неявно въ Москвѣ и ея округѣ, и чего, повидимому, не знаетъ никто — ни даже тѣ, кому вѣдать надлежитъ!

Да. Удивительно. Но мы перестанемъ удивляться и недоумѣвать, если приведемъ себѣ

на память того великаго таинственнаго Дѣателя между нами, который совершаетъ множество самыхъ изумительныхъ дѣлъ и сближеній и котораго мы язычески-неблагодарно называемъ *случаемъ*.

Случайно, въ началѣ 60 годовъ, я узнала въ своемъ приходскомъ селеніи заѣзжую вдову съ тремя дочерьми, чистенько бѣдную, не то чтобы совсѣмъ простую, а душевно облагороженную мѣщанку и прекрасную, разумную женщину, Устинью Васильевну Котельникову, которой единственный сынъ, надежда и кормилецъ семьи, служилъ гдѣ-то по винному откупу въ Московской губерніи. Гдѣ тонко тамъ и рвется. Получаетъ эта бѣдная женщина отъ сына письмо, въ которомъ онъ увѣдомляетъ, что здоровье его, и прежде слабое, совершенно разстроилось и онъ зоветъ къ себѣ семью, чтобы было кому присмотрѣть за нимъ во время болѣзни. Съ горемъ-бѣдою потащились мать съ дочерьми на долгихъ не то въ Москву, а еще за Москву — въ Волоколамскъ къ сыну, который служилъ по откупу ревизоромъ и жилъ въ городѣ. Я простилась съ семьею, казалось, навсегда; какъ прошло три-четыре года, возвращается въ нашъ приходъ эта славная женщина съ тѣмъ же богатствомъ трехъ дочерей и съ памятью объ умершемъ сынѣ. Я опять основала у нея свою

квартиру для прїѣзда къ церкви, на ночь, подь большіе праздники. Свидѣвшись и разговорившись, не могла я не выразить своего удивленія по случаю этого возврата.

— Какъ вы рѣшились сломать этотъ тяжелый обратный походъ?.. спрашивала я, полагая что на долгихъ и съ поклажею онѣ должны были ѣхать почти мѣсяць, и это зимою, въ холодъ, однѣ женщины и пр.

— „Да будетъ около того. Съ мѣсяць безъ малаго таки промаялись въ пути," — начала мнѣ сказывать разумная и словоохотливая старушка. „Какъ бѣдствовать ни бѣдствовать, хотя, побравшись за руки, съ сумой придти, а порѣшили мы возвратиться въ эти мѣста. Сами изволите знать: кто вкусилъ сладкаго не захочетъ горькаго. А намъ горька и горька показалась тамошняя жизнь противъ здѣшней".

— Съ непривычки.

— „Да со всего будетъ, матушка. Какъ и привыкать—то? не привыкнешь, коли и люди другіе, и порядки иные. Что то нашъ рай пресвѣтлый, Малороссія! Всѣмъ вольно и всего довольно. Никто того бѣднаго мужика не гонитъ дубинкою въ спину. Прїѣхаль на базаръ въ городъ, не смѣй продавать по вольной цѣнѣ овесъ, муку, ни крупу — ничего деревенскаго не смѣй на торгу! А вези къ двумъ богатымъ

купцамъ въ Волоколамскомъ, и какую они промежь себя сговорились давать цѣну, такую бери мужики и ступай. А мы то городскіе ничего не докупимся у тѣхъ богатѣевъ. За все плати въ три-дорога, а дѣться некуда. Нѣтъ, моя сударыня! За Москвой-то матушкою нашей бѣднотѣ и сиротству не привыкать стать; а одно идетъ, пропадать, какъ тараканамъ въ морозъ. Холодно и голодно про всякъ день; а про великій праздникъ Божій захочешь отвести душу, того и гляди, на отраву попадешь и еще напрасной смертію Богу душу отдашь, а тѣло потрошить станутъ."

Картина являлась слишкомъ мрачною; но зная испытанную честность и правоту словъ и поступковъ мнѣ говорившей, я, къ сожалѣнію, не могла сомнѣваться и только просила объяснить мнѣ: какъ это? какая отрава? И что за *напрасная смерть* могла приключиться — вслѣдствіе чего?

— „Охъ, охъ, охъ! грѣхи-то наши тяжкіе и мамонъ ненасытный, проклятый! Съ самой Москвы мнѣ страсть то эта далася знать".

Но все таки я не понимала о какой „страсти" эта добрая, хорошая женщина говорила съ такими глубокими воздыханьями и причитаньями, въ которыхъ слышались Іуда-христопродавецъ и Каинъ-братоубійца и пр.

Наконецъ она стала мнѣ рассказывать простымъ живымъ разговоромъ, какъ онѣ, пустившись въ путь, цѣлыхъ три недѣли ѣхали и пріѣхали въ Москву. И еще былъ постъ, Филипповки: отощали онѣ въ дорогѣ, на одномъ чаю, что уже и чаю пить не хочется. Сходили къ Заступницѣ Иверской; мать и говоритъ дочерямъ: „Ступайте же вы, дѣти, на квартиру, ставьте самоварчикъ; а я побѣгу, чего нибудь соленькаго перекусить куплю. Кормилица Москва–матушка покормить насъ, чтобы намъ хотя чаю то во вкусъ напиться.“ И пошла она; да только куда намъ съ нашими грошами соваться въ большіе магазины? Поискала она маленькую лавочку и входитъ въ нее по ступенькамъ внизъ. Сидитъ торговецъ, такой важный да благообразный, видно самъ хозяинъ, борода большая, хорошая, прямо хоть съ него икону пиши. Спросила она соленькой рыбки. „Есть“, говоритъ, „какой?“ — „Да по нашимъ достаткамъ, сказываю, что по дешевле, то и намъ. Бѣлужинки, — говорю, ваше почтенство, господинъ купецъ“. (Такъ онѣ мнѣ полюбился, что я даже его повеличала). „Бѣлужинки? говоритъ. Ну, и бѣлужинки. И бѣлужинкою надѣлю“. И надѣлили онѣ, да взявши уже деньги, спрашиваетъ: „Ты изъ какихъ такихъ, мать? Не здѣшняя?“ — „Проѣзжая, сказываю, издалека“.

Купецъ то перенялъ это мое слово *издалека* и сказываетъ: „Ну, то-то, залетная птаха, сырой бѣлужинки не моги потреблять, а свари допрежь.“ „А зачѣмъ такъ, батюшка? спрашиваю, я сыренькую-то люблю“. „А за тѣмъ: коли тебѣ дѣло говорить, такъ слушай“... На словѣ этомъ еще покупатель вошелъ въ лавочку; а купецъ какъ прикрикнетъ на меня: „Чего стоять то, ротозѣя! Проваливай.“ Вышла я на свѣтъ Божій, на улицу, какъ словно оплеванная. Стыдно, моль, и на Москву глянуть. За что и про что осерчалъ на меня купецъ, облаялъ, и изъ лавки прогналъ? Ума я не приложу. И какое я ему слово неуютное сказала?.. Да такъ мнѣ больно да горько стало на сердцѣ, что дожила я до какихъ годовъ, мать взрослымъ дѣтямъ и нигдѣ я никогда такого страму и не приняла, какъ вотъ довелось въ матушкѣ Москвѣ: за порогъ меня выгнали. Иду я, а меня вдовья да сиротская наша слеза насквозь пронимаетъ. „И что оно за притча такая, опять думаю, что не велѣлъ сырой бѣлужины ѣсть? Весь міръ, — народъ ѣсть, а мнѣ то развѣ въ первой будетъ? Поѣла я на своемъ вѣку. И гдѣ мнѣ и когда будетъ возиться съ нею, еще варить на постояломъ дворѣ? Съѣдимъ и сыренькой.“ Подумала я такъ, а меня все будто сомнѣніе беретъ, словно страхъ какой. Дай поспрошу я

кого, поспытаю людей: авось Господь на разумъ наведеть...

Идетъ на встрѣчу старушка, такъ себѣ чистенькая и смирененькая. Я къ ней: „Матушка! говорю: здѣшняя?" Отвѣчаетъ: „здѣшняя". „А я заѣзжая изъ далекихъ мѣстовъ.... Вотъ такъ и такъ сказываю: чтобы оно за знакъ такой было? Скажи на великую милость. Купила я бѣлужинки съ дѣтьми перекусить и не велѣлъ мнѣ купецъ сырой ѣсть — и осерчалъ ни съ чего ради, изъ лавки прогналъ."

Старушка такъ и воззрилась на меня.

— Да ты, говорить — у Иверской Заступницы была?

— „Была, говорю, со всѣми тремя дочерьми была.

— Ну вотъ Она-то тебя и спасла, мать дѣтей, отъ напрасной смерти. Ахъ, они нехристи окаянные! погубители наши! Что они, въ свою корысть, извели народу-то православнаго!...

Я стою, слушаю старушку, а самое, на морозѣ, словно жаромъ всю обсыпало.

— Вѣдь онъ тебя, матушка, купецъ-то, надѣлилъ бѣлужиною съ мышьякомъ! — Какъ выговорила старушка, я такъ и ахнула.

— Да про что такъ, отравы-то? Что я ему сдѣлала?

— Ты то ему, мать, ничего не сдѣлала; да вишь крысы—то больно надокучаютъ имъ, рыбнымъ торговцамъ. *Чтобы крысъ морить, они и посыпаютъ сверху рыбу то мышьякомъ, да опосля и продаютъ эту самую рыбу намъ, бѣднякамъ.* Ну, мы—то, здѣшніе, волки травленные, знаемъ, посбережемся; а заѣзжій незнаемый человѣкъ, или рабочій какой какъ зря напустился на сыромятину и душу положилъ. Вотъ оно каково. Душегубство такое съ недолго время промежъ народа вошло.

— Затѣмъ старушка наставила какъ слѣдуетъ поступать съ бѣлужиною: полегохоньку счистить сверху и бросить въ укромное мѣсто, чтобы кошка или собака не съѣла, затѣмъ въ холодной водѣ обмыть не одинъ разъ и сварить въ большой посудинѣ, чтобы мышьякъ то выварился и воду ту вылить; а самое—то рыбу потреблять можно благословясь и со страхомъ Божиимъ.

— Слушая этотъ разсказъ не съ однимъ страхомъ Божиимъ, а съ ужасомъ и негодованіемъ человѣческимъ, я едва вѣрила своимъ ушамъ.

— Извините, Устинья Васильевна! сказала я. Вы говорите такія невѣроятныя, невообразимыя вещи, что имъ отказываешься — не можешь заставить себя вѣрить.

— А мнѣ то, матушка, изъ чего ложь эту наводитъ? Добро бы это разъ случилось въ

Москвѣ; а въ Волоколамскомъ то? Вѣдь я безъ мала три года при сынѣ изжила. Тамъ оно заурядъ дѣло. Зазнамо и завѣдомо по городу. Купишь тотъ разгоренный кусокъ бѣлужины, да въ десяти водахъ ее моешь и ужъ варишь такъ, что мозги всѣ повываришь! И тамъ мнѣ тоже самое по началу купецъ сказалъ: „Ты съ дуру то, какъ съ дубу, не кинься ѣсть сырой бѣлужины...“ И въ газетахъ тоже пишутъ. Развѣ не пишутъ, что народъ умираетъ отъ сырой бѣлужины? Сынъ въ газетахъ читалъ. Да и въ газеты то развѣ десятая часть попадетъ, что о ней напишутъ. А сынъ то какъ виннымъ ревизоромъ былъ: гдѣ какая ярмарка въ уѣздѣ, или нарочитый храмовый праздникъ, онъ уже долженъ состоятъ тамъ для наблюденія за продажею питей — и десятый развѣ разъ пріѣдетъ да не скажетъ, что два-три человѣка пропало, отравилось рыбою”.

И прошла ли недѣля послѣ этого разговора, какъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ я нахожу извѣстіе, что восемь человѣкъ отравились сырою бѣлужиною въ Волоколамскомъ уѣздѣ.

Подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, я тогда же хотѣла написать это самое, что оповѣщаю теперь въ слухъ всѣхъ и cadaго, кому дорога жизнь человѣка, по крайней мѣрѣ дороже отравленной крысы, — хотѣла и не одинъ разъ, но меня останавливало робкое размышленіе:

быть выскочкою; ввести въ литературу дѣло не подлежащее законамъ изящнаго, а совершенно инымъ законамъ. Да и можетъ ли быть, чтобы московская врачебная управа, или одинъ и другой уѣздный медикъ, производя вскрытіе умершихъ со всѣми признаками отравы, не ощутили въ организмѣ присутствіе мышьяка? А разъ увѣрившись, что въ рыбѣ мышьякъ, лицо полицейской власти не сумѣетъ ли дознать: гдѣ, какимъ путемъ и для чего могла очутиться отравка въ сырой соленой бѣлужинѣ? Я все совѣстилась громкимъ газетнымъ заявленіемъ, такъ сказать, перейти путь прямому и законному ходу дѣла.

Но шестьдесятъ человѣкъ отравленныхъ, умершихъ и умирающихъ, это такая вопіющая сила напрасной смерти, которая заставляетъ все нравственно живое въ человѣкѣ встать и содрогнуться, и въ этомъ трепетѣ сердца сами собою разрываются гнилые узлы мелкихъ условныхъ приличій: что сказать и о чемъ помолчать? Я говорю все, что знаю и говорю не закону и его власти (они имѣютъ у себя все, чтобы знать и слышать истину помимо камня вопіющаго); а я обращаюсь къ обществу и говорю ему: шестьдесятъ человѣкъ! шестьдесятъ человѣкъ! Вѣдь это не то только, что называется „происшествіемъ“, а это цѣлое бѣдствіе нѣсколькихъ сель. Люди отравлены всенародно,

умирають въ страшныхъ мученіяхъ, а причины и виновниковъ смерти нѣтъ. Отравились недоброкачественною рыбою; а у тѣхъ, кто продавалъ эту рыбу, вся она доброкачественна, слѣдовательно — виноваты мертвые, что умерли; а на лицо виноватаго нѣтъ. О, правая, непродажная совѣсть общества! Пойми эту логику. Если бы шайка разбойниковъ, среди бѣлаго дня, внеслась въ толпу празднующаго народа и положила на мѣстѣ шестьдесятъ человекъ, кто былъ бы виноватъ въ убійствѣ и смерти? Конечно, не разбойники, а то острое оружіе, которымъ они умертвили людей... да, впрочемъ, и оружіе то оказывается совершенно тупымъ и безвреднымъ. Волею Божіею помре народъ... Истинно — лѣтописное сказаніе, во всей его безыскусственной простотѣ! „Ересь, отце, ересь” Но здѣсь, вмѣсто ереси, является медицинская наука, которая даетъ еретическій отвѣтъ: что смерть послѣдовала отъ недоброкачественной рыбы.

Но если лицо исполнительной власти можетъ довольствоваться этимъ голословнымъ показаніемъ, то всенародный ликъ общества, котораго наука есть прямое и полное достояніе, въ правѣ потребовать болѣе точныхъ и научныхъ опредѣленій. Какая недоброкачественность? Въ чемъ состоитъ эта недоброкачественность?

Какимъ образомъ она вліяетъ на организмъ и что въ ней, въ недоброкачественной рыбѣ — откуда, изъ какихъ веществъ слагается этотъ вредоносный продуктъ, имѣющій силу самаго сильнаго яда?

Но пока наука, передъ судомъ общественной совѣсти, будетъ давать свои строго научныя показанія, я расскажу, какъ мнѣ представляется это дѣло всенародной отравы на храмовомъ праздникѣ въ Пятницѣ Берендѣевой, въ большомъ торговомъ селеніи.

Корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“ замѣчаетъ, что бочка съ бѣлужиною привезена съ нижегородской ярмарки. Но здѣсь нижегородская ярмарка не при чемъ. Оптовые торговцы не посыпаютъ рыбу мышьякомъ, потому что у нихъ товаръ не початой, стоитъ закупореннымъ въ бочкахъ и крысы ему не вредятъ; а это дѣло розничныхъ торговцевъ, когда товаръ разбить по частямъ и идетъ въ продажу. И здѣсь можно видѣть, и понять изъ корреспонденціи, что бочка соленой бѣлуги въ 60 пудовъ съ лѣта оставалась закупоренною у главнаго мѣстнаго торговца до самыхъ приготовленій къ храмовому празднику, когда она была разбита и часть рыбы оставлена для собственной торговли, а другая раскуплена мелкими торгашами для перепродажи на

праздникъ. И вотъ потому-то, что этихъ торгашей, вѣроятно, не мало оказалось въ большомъ торговомъ селеніи — потому и отравилось такъ много народа. Изъ простодушнаго разсказа старушки Котельниковой и изъ частыхъ случаевъ рыбоотравы по Московской губерніи можно видѣть, что средство сбереженія рыбы отъ крысь мышьякомъ есть довольно извѣстное и, подъ рукою, совершенно распространенное средство, которымъ не замедлили воспользоваться торгаша Пятницы Берендѣевой. Если ихъ было десять, то у десяти ихъ верхніе слои рыбы были осыпаны мышьякомъ, слѣдовательно: шестидесяти человѣкамъ было отравиться не мудрено. И народъ на праздники гулялъ и закусывалъ, значить, не вареною, а именно сырою *блужною*. Прямо ѣлъ съ солью мышьякъ и запивалъ сивухою. Если по домамъ и могли быть вареные студни, какъ общеупотребляемое и самое дорогое праздничное блюдо, то наваръ съ рыбы не сливался, а застывалъ и, слѣдовательно, хранилъ въ себѣ всю ту же отраву. И что эта именно отрава, а не какая либо недоброкачественность рыбы сгубила шестьдесятъ человѣкъ, это доказывается тѣмъ, что вся рыба была изъ одной бочки и вся оказалась доброкачественною. И это совершенно

справедливо: за распродажею верхнихъ отравленныхъ слоевъ рыбы ничего недоброкачественнаго не оставалось въ соленой бѣлужинѣ.

Передъ тѣмъ, какъ писать это гласное слово, я обратилась къ тремъ дочерямъ умершей старушки Котельниковой: къ дѣвицамъ Марьѣ и Аннѣ Петровнамъ Котельниковымъ и къ замужней Александрѣ Петровнѣ Котельниковой, и просила ихъ сказать: знаютъ онѣ и помнятъ ли рассказы матери объ отравленной мышьякомъ бѣлужинѣ? И онѣ не только подтвердили все, а даже дали важное добавленіе: что живя довольно долго въ Волоколамскѣ, онѣ научились, впоследствии, отличать отравленную соленую бѣлужину отъ неотравленной:

— „Какъ взглянешь, такъ и видишь. Благополучная рыба вся сплошь цѣлая и ничего отмѣтнаго на ней нѣтъ; а неблагополучная — въ норки побитая, сказать бы, проточенная мышьякомъ”.

Кохановская.

ПОЛОЖЕНІЕ ПЕНСИОННАГО ДѢЛА ЗА ГРАНИЦЕЮ И У НАСЪ И ПРЕДПОЛОЖЕНІЯ ОБЕЗПЕЧЕНІЯ ПЕНСИЯМИ НА НАЧАЛАХЪ ВЗАИМНОПОЖИЗНЕННАГО СТРАХОВАНІЯ.

(Продолженіе)

На основаніи морскаго устава 1720 года, полагалось:

Изувѣченныхъ, но способныхъ къ службѣ, опредѣлять къ магазинамъ, въ гарнизоны или статскую службу.

Изувѣченныхъ, не способныхъ ни къ какой службѣ, помѣщать въ госпитали до смерти; въ случаѣ же нежеланія ихъ выдавать имъ единовременно годовой окладъ жалованья и паспортъ.

Вдовамъ старше 40 лѣтъ или моложе, но больнымъ, выдавать 8-ю долю годоваго мужняго жалованья — до замужества или до смерти.

Вдовамъ моложе 40 лѣтъ, единовременно годовой окладъ жалованья.

Сыновьямъ до 10 лѣтъ а дочерямъ до 15 выдавать 12-ю долю годоваго отцовскаго жалованья.

Всѣ вышеупомянутыя вознагражденія предоставлялись только тѣмъ, которые собственныхъ своихъ доходовъ не имѣли.

При Петрѣ II, права морскаго устава распространены и на служащихъ въ сухопутномъ войскѣ.

При Аннѣ Іоанновнѣ тѣже права морскаго устава распространены на семейства мастеровыхъ сестрорѣцкаго завода и служащихъ въ академіи навигаціонныхъ наукъ. Въ это же время повелѣно было помѣщать вдовъ для призрѣнія въ монастыри. При Елизаветѣ Петровнѣ было издано положеніе для сухопутныхъ войскъ извѣстное подъ именемъ: „Высочайше утвержденные для комиссаріатскаго правленія Регулы“.

По этому положенію право на вдовье и сиротское жалованье получили: семейства убитыхъ и умершихъ на службѣ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, какъ русскихъ такъ и иностранцевъ, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ изъ дворянъ; за исключеніемъ: имѣвшихъ собственное состояніе, генералы свыше 100 душъ, штабъ-офицеры 50 душъ, а оберъ-офицеры 25 душъ, вдовы иностранцевъ, прослужившихъ въ Россіи менѣе 5 лѣтъ и всѣхъ сиротъ иностранцевъ.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины II при обезпеченіи служащихъ, оставляющихъ службу, и ихъ семействъ, встрѣчаются два новыя начала.

Такъ, кромѣ семействъ умершихъ или убитыхъ служащихъ, обезпеченіе распространено на лица, которыя оставляли службу по выслугѣ

извѣстнаго числа лѣтъ; и на обезпеченіе сихъ послѣднихъ назначалась извѣстная сумма, опредѣлявшая комплектъ лицъ, имѣвшихъ право на это обезпеченіе.

Начала эти проведены въ трехъ законахъ, опредѣлившихъ обезпеченіе военныхъ, гражданскихъ и морскихъ чиновъ.

На весь комплектъ лицъ военнаго званія назначено было отпускать изъ доходовъ, присоединенныхъ къ государственнымъ имуществамъ монастырскихъ и церковныхъ имѣній 80.600 р. и сверхъ комплекта повелѣно было не принимать никого, а записывать кандидатомъ на очередь.

Право на пенсіи имѣли прослужившіе 35 лѣтъ, начиная съ 15 лѣтняго возраста и менѣе въ случаѣ болѣзни и ранъ. Размѣръ пенсіи опредѣлялся получаемымъ жалованьемъ. Вся сумма на обезпеченіе отставныхъ и ихъ семействъ доходила къ концу царствованія Императрицы Екатерины II до 300 т. рублей.

Но такъ какъ пенсіи въ виду увеличивающагося числа служащихъ выдавались и внѣ правилъ по особымъ именнымъ указамъ, то и 300 т. р. оказалось недостаточно. Императоръ Павелъ I повелѣлъ увеличить сумму пенсій для военныхъ до 360 т., для морскихъ до 75 т. и для гражданскихъ чиновъ до 120 т. р., всего до

555 т. р. въ годъ, начавъ выдачу оныхъ съ 1798 года. Въ это время право на пенсію приобрѣтались 25 лѣтнею службою. Размѣръ пенсіи опредѣленъ былъ высшій въ 250 р., низшій въ 10 руб.

Пенсіи получаемыя по особой Высочайшей милости ни въ какомъ случаѣ не прекращались и не служили помѣхою къ полученію пенсіи по закону. Расходъ на пенсіи къ концу царствованія Императора Павла составлялъ около 750 т. р. въ годъ.

Кровопрлитныя войны въ первую половину царствованія Императора Александра I и желаніе правительства привлечь служащихъ къ извѣстнымъ отраслямъ государственнаго управленія имѣли слѣдствіемъ изданіе цѣлаго ряда законовъ, служившихъ къ большому обезпеченію какъ самихъ служащихъ, такъ и ихъ семействъ.

Сроки назначенные для выслуги пенсій и самый размѣръ ихъ были чрезвычайно различны. Такъ, на примѣръ, по нѣкоторымъ учрежденіямъ пенсія выдавалась въ размѣръ $\frac{1}{2}$ жалованья за 10 лѣтъ службы и даже менѣе; размѣры же ея доходили, какъ, на примѣръ, членамъ адмиралтейскихъ департаментовъ, до 3,000 рублей.

Значительное увеличеніе расходовъ на пенсіи, несообразное съ средствами государства (дошедшее въ 1820 г. до $7\frac{1}{2}$ милл. р.) и разнообразіе пенсіонныхъ положеній, потребовали отъ правительства мѣръ къ сокращенію подобныхъ расходовъ и къ объединенію всѣхъ пенсіонныхъ законоположеній въ одинъ общій для всѣхъ служащихъ въ государствѣ пенсіонный уставъ. Почему по Высочайшему повелѣнію и былъ образованъ особый комитетъ изъ министровъ, для составленія общаго положенія о выдачѣ пенсій.

13 мая 1821 г. графъ Гурьевъ внесъ въ государственный совѣтъ проектъ устава о пенсіонахъ и единовременныхъ пособіяхъ.

Проектъ этотъ былъ основанъ на слѣдующихъ главнѣйшихъ началахъ:

Пенсія есть вознагражденіе, даруемое правительствомъ тѣмъ изъ служащихъ и ихъ семействамъ, которые пріобрѣли на оное право безпорочною службою въ теченіи извѣстнаго числа лѣтъ.

Размѣръ пенсіи опредѣляется числомъ лѣтъ службы и среднимъ выводомъ жалованья, получаемаго въ послѣдніе 3 года.

За службу въ 20 лѣтъ обращалось въ пенсіонъ $\frac{1}{4}$ жалованья и за каждый годъ до 30 лѣтъ прибавлялось еще $\frac{1}{10}$ часть второй четверти.

За службу въ 30 лѣтъ — $\frac{1}{2}$ жалованья и за каждый годъ до 40 лѣтъ $\frac{1}{10}$ часть второй половины, такъ что за 40-лѣтнюю службу обращалось полное жалованье въ пенсіонъ.

Вдовы получали половину той пенсіи, которую получали бы ихъ мужья.

Проектъ графа Гурьева былъ уже внесенъ въ государственный совѣтъ, но по несогласію на утвержденіе его графа Аракчеева не былъ утвержденъ, такъ какъ послѣдній представлялъ свой проектъ.

Проектъ графа Аракчеева опредѣлялъ размѣръ пенсій не по средней сложности получаемого жалованья за послѣдніе 3 года, а раздѣлялъ пенсіи всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ на классы и опредѣлялъ размѣръ пенсій по онимъ соотвѣтственно съ жалованьемъ получаемымъ военными чинами. Разработка мнѣнія графа Аракчеева и самое дѣло составленія пенсіоннаго устава пріостановились, и только съ назначеніемъ министромъ финансовъ Канкринъ, 28 мая 1825 года новый проектъ былъ внесенъ въ государственный совѣтъ. За послѣдовавшимъ затѣмъ отъѣздомъ Императора Александра I въ южную Россію дѣло утвержденія проекта опять пріостановилось, и только по восшествіи на престоль Императора Николая I вновь исправленный проектъ былъ разсмотрѣнъ въ

государственномъ совѣтѣ и удостоился Высочайшаго утвержденія 6 декабря 1827 г.

Этотъ то пенсіонный уставъ 6 декабря 1827 г. въ главныхъ своихъ началахъ дѣйствуетъ до настоящаго времени.

Пенсіи, производимыя на основаніи дѣйствующаго нынѣ устава, до такой степени ничтожны, что онѣ не обезпечиваютъ пенсіонеровъ даже въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ жизни. Между тѣмъ въ общей сложности пенсіонныя выдачи составляютъ весьма значительный для государственнаго казначейства расходъ, простирающійся до 17 милл. руб. и главное ежегодно возрастающій въ размѣрѣ отъ 500 тыс. р. до 1 милл. р. Столь очевидная неудовлетворительность настоящей системы пенсіи побудила правительство озаботиться о преобразованіи пенсіоннаго устава на новыхъ болѣе соотвѣтствующихъ существу дѣла началахъ. Вслѣдствіе этого была въ 1866 году образована при министерствѣ финансовъ комиссія изъ депутатовъ отъ всѣхъ правительственныхъ вѣдомствъ подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Гирса, разсмотрѣнію которой подлежалъ, между прочимъ, вопросъ: „о преобразованіи нашего пенсіоннаго устава, при дѣйствіи котораго расходы государственнаго казначейства

постоянно и весьма значительно изъ года въ годъ увеличиваются даже въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ жизни".

Еще до учрежденія означенной комиссiи принимались мѣры къ улучшенiю настоящаго пенсiоннаго устава.

Такъ, въ послѣднiй разъ, общiй пересмотръ устава о пенсiяхъ былъ возложенъ на 2-е отдѣленiе Собственной Его Величества канцелярiи, вслѣдствiе чего графомъ Блудовымъ внесена была въ комитетъ министровъ особая записка объ основанiяхъ для новаго пенсiоннаго устава. Пересмотръ этотъ однако-же не кончился ничѣмъ и все дѣло ограничилось только тѣмъ, что вмѣсто 3 подраздѣленiй: полная пенсiя за 35 лѣтъ, $\frac{2}{3}$ за 30 лѣтъ и $\frac{1}{3}$ за 20–30 лѣтъ, установлены были только два подраздѣленiя: полная пенсiя за 35 лѣтъ и половинная пенсiя за 25 лѣтъ.

Въ военномъ министерствѣ, въ 1866 году также была составлена комиссiя по вопросамъ о пенсiяхъ, основанiемъ которой послужило ходатайство Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго о предоставленiи аудиторскимъ чиновникамъ пенсiй, по примѣру артиллерiйскихъ и инженерныхъ чиновниковъ, не по общимъ пенсiоннымъ разрядамъ, а по чинамъ. Въ виду

невозможности измѣнять пенсіонныя правила для чиновниковъ одной только категоріи, комиссіи этой поручено было пересмотрѣть эти правила по отношенію ко всѣмъ вообще лицамъ. Но работамъ этой комиссіи не пришлось окончиться, такъ какъ за учрежденіемъ комиссіи при министерствѣ финансовъ она была закрыта и труды ея были переданы въ общую комиссію.

Кромѣ этихъ паліативныхъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью исправить недостатки настоящаго пенсіоннаго устава, правительствомъ предпринимались и болѣе радикальныя мѣры къ улучшенію пенсіоннаго дѣла.

Такъ по мысли въ Бозѣ почившаго Императора Николая I, въ нынѣшнее царствованіе осуществлена эта мысль учрежденіемъ въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ эмеритальныхъ кассъ, починъ каковыхъ принадлежитъ инициативѣ Великаго Князя Генераль–Адмирала.

Эмеритальныя кассы безспорно весьма благодѣтельное учрежденіе для пенсіонеровъ, такъ какъ значительно обезпечиваютъ положеніе ихъ при крайней незначительности государственныхъ пенсій. Жаль только, что благодѣтельныя учрежденія эти заведены не во всѣхъ вѣдомствахъ.

Такъ какъ учрежденіе первой эмеритальной кассы послѣдовало въ морскомъ вѣдомствѣ 30 апрѣля 1858 года и она послужила прототипомъ для всѣхъ послѣдующихъ подобныхъ учрежденій, то мы и намѣрены ознакомить съ нею читателей нѣсколько подробнѣе.

Эмеритальная пенсіонная касса морскаго вѣдомства есть учрежденіе, имѣющее свои собственные капиталы и доходы.

Капиталь ея составился изъ пожертвованнаго морскимъ вѣдомствомъ 1 милл. р. изъ вычетовъ какъ постоянныхъ, такъ и случайныхъ, изъ содержанія участвующихъ въ кассѣ, равно какъ съ процентовъ на капиталъ.

Размѣръ пенсій обуславливается пенсіею причитающеюся изъ государственнаго казначейства и числомъ лѣтъ какъ платныхъ въ эмеритальную кассу, такъ и вообще всей службы.

Открывъ на этихъ главныхъ началахъ 1 января 1859 г. свои дѣйствія, эмеритальная касса нашла возможнымъ имѣть къ 1868 г. капиталъ слишкомъ въ 7 милл. рублей сер.

На тѣхъ же почти основаніяхъ Высочайше утверждено было 25 іюня 1850 г. положеніе объ эмеритальной кассѣ военно-сухопутнаго вѣдомства, причемъ правительство нашло

возможнымъ первоначально увеличить содержаніе военно-сухопутныхъ чиновъ, дабы сдѣлать для нихъ вычеты не отяготительными и кромѣ того пожертвовать 8.335,000 р., съ тѣмъ, чтобы дѣйствія кассы открылись съ 1 января 1865 г. Открывъ въ данный срокъ свои дѣйствія, эмеритальная касса военного вѣдомства къ 1868 г. владѣла уже капиталомъ въ 28.000,000 р. с.

Кромѣ того, такія же эмеритальныя кассы образованы одновременно въ горномъ вѣдомствѣ и въ министерствѣ путей сообщенія.

Уже въ настоящее время эмеритальныя кассы отчасти восполняютъ пенсіи, выплачиваемыя изъ государственнаго казначейства, но можно съ увѣренностію сказать, что въ недалекомъ будущемъ большая часть служащихъ будетъ получать изъ эмеритальныхъ кассъ пенсіи, равняющіяся пенсіямъ государственнаго казначейства; другими словами, каждый участникъ эмеритальной кассы будетъ получать пенсію вдвое больше противъ назначенной пенсіоннымъ уставомъ.

Въ виду этихъ практически подтверждаемыхъ полезныхъ результатовъ, приносимыхъ эмеритальными кассами, желательно было бы, чтобы дѣйствія этихъ кассъ распространились на всѣхъ служащихъ, и такъ какъ чѣмъ болѣе участвующихъ въ каждой подобной кассѣ, тѣмъ

скорѣе получаютъ удовлетворительные для пенсіонеровъ результаты, то еще лучше было бы, еслибы эмеритальныя кассы всѣхъ вѣдомствъ слились въ одну общую кассу: при такомъ соединеніи общая эмеритальная касса могла бы еще цѣлесообразнѣе проявить свои дѣйствія, такъ какъ эмеритальныя пенсіи могли бы быть еще значительнѣе настоящихъ, уже потому только, что расходы на администрацію кассъ значительно бы чрезъ это сократились къ выгудѣ пенсіонеровъ, участниковъ кассы.

Перейду теперь къ описанію трудовъ Высочайше утвержденной комиссіи, учрежденной съ цѣлью выработать новыя лучшія начала для обезпеченія пенсіями лицъ оставляющихъ государственную службу.

(Продолженіе будетъ).

ЕРАЛАШЪ.

ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ ВСЕГО МІРА.

Что произвела смерть Наполеона III во Франціи.

Явленія вызванныя въ Парижѣ смертью Наполеона III заслуживаютъ вниманія. Всѣ бонапартистскія газеты (кажется, ихъ четыре),

появились окаймленные широкою траурною каймою: усердіе было такъ велико, что одинъ изъ бонапартистовъ заявляетъ въ письмѣ на имя „Figaro" свое негодование по тому поводу, что траурная кайма распространилась даже на увеселительныя и театральныя объявленія. Въ „L'ordre", оффиціальномъ органѣ бонапартистовъ, появился манифестъ за подписью Кассаньяка, который говоритъ между прочимъ: „французы, осушите ваши слезы, императоръ умеръ, да здравствуетъ нашъ юный императоръ!" За то республиканскія газеты переступаютъ всѣ предѣлы приличія, оскорбляя память Наполеона III; такъ, напримѣръ, „le Эісle" говоритъ между прочимъ: „Великій преступникъ сошелъ со сцены міра — Шарль-Луи-Наполеонъ Бонапартъ, сі-devant Empereur deз Fran-caiэ" и т. д., и кончаетъ свою статью слѣдующими словами: „таковъ былъ умершій для науки — феномень, для исторіи — авантюристъ, для нравственности — чудовище!" Весьма кстати болѣе умѣренныя газеты въ Парижѣ, осуждая этотъ тонъ и эти рѣчи республиканскихъ газетъ, замѣчаютъ, что всякое оскорбленіе, наносимое бывшему императору, непосредственно оскорбляетъ и Францію, подчинявшуюся двадцать лѣтъ его волѣ.

Траурныя матеріи вздорожали въ Парижѣ до баснословныхъ размѣровъ. Въ то же время вездѣ, гдѣ есть къ тому возможность, республиканцы сходятся въ кафе и ресторанахъ, чтобы поносить громко имя умершаго императора; одинъ даже устроилъ иллюминацію въ своемъ домѣ. Армія какъ видно равнодушна къ этому событію; въ провинціи еще доселѣ не проявилось никакихъ манифестацій ни въ пользу, ни противъ умершаго императора.

* * *

Вотъ текстъ приписываемой французскими газетами императору Вильгельму депеши къ императрицѣ Евгеніи по случаю смерти Наполеона: „*Я принимаю участие въ смерти императора Наполеона III* „ *Эi non e vero, ben trovato!*

* * *

Нѣкоторыя лондонскія газеты увѣряютъ, что сынъ Наполеона III принялъ уже титулъ его величества императора Наполеона IV.

* * *

Приводимъ на память слѣдующій эпизодъ изъ жизни Наполеона III, вполне достовѣрный. Однажды во время комьпенскихъ празднествъ, одна русская дама обратилась къ императору съ письменною просьбою няни своихъ дѣтей, французенки, молившей о помилованіи сына ея,

солдата, приговореннаго къ разстрѣлянію за оскорбленіе своего офицера. Императоръ принялъ просьбу. Прошло три дня; черезъ три дня дама эта уѣзжаетъ изъ Компъеня; при входѣ въ карету дежурный адъютантъ императора къ ней подлетаетъ и отдаетъ ей пакетъ отъ имени Императора. Съ волненіемъ она распечатываетъ: въ пакетѣ было помилованіе солдата.

* * *

Въ Дижонѣ, во Франціи, разбиралось въ уголовномъ судѣ слѣдующее любопытное дѣло, имѣющее отношеніе къ числьгёрстскому изгнаннику. Какой то бонапартистъ Кильо три мѣсяца назадъ отправилъ по телеграфу депешу Наполеону III слѣдующаго содержанія: „При всякой новой неудачѣ, чувствую потребность выразить вашему величеству мою глубокую преданность“. На другой же день Кильо получилъ отвѣтъ изъ Числгёрста за подписью графа Пьерронъ. „Благодаримъ за выраженіе вашихъ симпатій“. Объ этомъ обмѣнѣ депешъ пошли по городу толки: всѣ носители имени Кильо оказались республиканцами, кромѣ одного — отправителя депеши; и всѣ эти республиканцы пришли въ негодованіе отъ ходившаго по городу слуха о депешѣ; одинъ изъ нихъ протестовалъ даже въ газетахъ противъ такого опозоривающаго имя Кильо поступка;

молва же называла одно имя Кильо, но котораго именно, она не могла указать. Самъ же отправитель депеши держалъ въ строгой тайнѣ свой поступокъ. Молва эта дошла и до телеграфнаго вѣдомства; оно сдѣлало дознаніе, съ цѣлью разъяснить вопросъ: не была ли кѣмъ либо на телеграфной станціи нарушена тайна этого обмѣна депешъ; дознаніе обнаружило виновнаго телеграфиста. Немедленно онъ былъ преданъ исправительному суду, съ увольненіемъ отъ должности; судъ приговорилъ виновнаго къ 200 франк. штрафа за нарушеніе телеграфной тайны. Но затѣмъ прокуратура этимъ не удовольствовалась и потребовала суда и наказанія болѣе строгаго, вслѣдствіе чего виновный преданъ былъ уголовному суду. Уголовный судъ подтвердилъ первый приговоръ и независимо отъ сего положилъ: въ теченіе 5 лѣтъ не допускать обвиненнаго къ общественной службѣ.

Три года назадъ какъ бы много въ этомъ Дижонѣ нашлось охотниковъ даже въ газетахъ заявить, что они авторы этихъ депешъ!!

* * *

Интересная статистика.

Не лишены интереса слѣдующія статистическія данныя, нами случайно найденныя въ газетахъ:

Во Франціи въ 1700 году было 19¹/₂ м. жителей.

„ 1801 „ „ 27 мил.

„ 1851 „ „ 36 „

„ 1866 „ „ 38 „

„ 1872 „ „ 36 „

* *

Въ той же Франціи относительно народонаселенія произошло странное явленіе: съ 1866 года по 1872, не считая Эльзаса и Лотарингіи, народонаселеніе уменьшилось на 366 т. душъ. Уменьшеніе это приписываютъ болѣзнямъ и въ особенности оспѣ.

* *

Еще интереснѣе слѣдующія данныя о народонаселеніи Рима.

Въ 683 году ab arbe condita, то есть съ основанія Рима и не задолго до цезаризма, въ Римѣ насчитывалось до 630 тысячъ жителей.

Въ первый годъ по Рождествѣ Христовѣ жителей было 450 тысячъ.

При императорѣ Авреліѣ, то-есть 250 лѣтъ спустя, народонаселеніе уменьшилось на 50 тысячъ.

Въ 1198 году жителей было 35 тысячъ.

Въ 1377 г. осталось въ Римѣ 18 тысячъ, при перенесеніи папскаго престола въ Авиньонъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія населеніе возрасло до 117 тысячъ.

Въ 1871 году оно простиралось до 244 тысячъ.

* * *

Часовой и наслѣдникъ престола.

Въ Дрезденѣ на дняхъ наслѣдникъ принцъ съ сигарою во рту подошелъ къ дверямъ палаты депутатовъ и хотѣлъ въ нее войти; часовой ему отдалъ честь и затѣмъ сказалъ: — Ваше высочество, здѣсь запрещено курить.

Принцъ отдалъ поклонъ часовому, бросилъ сигару и вошелъ.

* * *

Убийства и убійства.

Въ Англіи и Америкѣ газеты напоминаютъ наши: на половину ихъ листы наполнены рассказами объ убійствахъ.

Одна англійская газета по этому поводу высказала слѣдующую замѣчательную мысль. „По видимому“, говоритъ газета, „Англія и Америка задаютъ себѣ задачею другъ друга перегонять въ дѣлѣ ужасныхъ преступленій“.

Такая замѣтка очевидно вызвана дѣйствительно ужасающимъ возрастаніемъ безчеловѣчныхъ преступленій. Въ Англіи что ни день, то гдѣ либо казнятъ; въ Америкѣ что ни день, то общественное мнѣніе волнуется какимъ нибудь выходящимъ изъ ряда мыслимыхъ убійствъ.

Но разъ что мы рѣшились сопоставить этотъ печальный фактъ съ нашими извѣстіями о преступленіяхъ, то считаемъ себя обязанными къ этому прибавить и другое еще замѣчаніе.

Пьянство, какъ видно, есть главный двигатель къ преступленіямъ въ Англіи и Америкѣ.

Не тоже ли и у насъ?

Затѣмъ еще замѣчаніе.

Въ извѣстіяхъ о преступленіяхъ въ Англіи и Америкѣ на $\frac{8}{10}$ мы находимъ, что убійства эти совершаются подъ вліяніемъ *любви*, — ревность въ связи съ пьянствомъ чаще всего побуждаетъ къ убійству.

У насъ пропорція другая: у насъ къ убійству главнымъ двигателемъ является мысль объ ограбленіи. Иногда убійца зарѣзываетъ свою жертву, не зная что онъ найдетъ въ кошелькѣ убитаго, и сколько бываетъ такихъ случаевъ, когда добыча не доходитъ и до рубля.

Это сопоставленіе не приводитъ ли къ слѣдующей мысли: жизнь человѣка въ Англіи и

Америкѣ цѣнится дороже, чѣмъ у насъ въ простонародьѣ?

ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ НАШЕГО МІРА.

Происшествіе въ Иркутскѣ.

Уваженіе къ дѣятельности генераль-губернатора Восточной Сибири побуждаетъ насъ перепечатать изъ газеты „Русскій Міръ“ подробный и правдоподобный рассказъ о нанесенномъ ему оскорбленіи, разсѣвающій много неправдоподобныхъ объ этомъ-же событіи слуховъ.

„Въ концѣ октября генераль Синельниковъ, находясь на постройкѣ городского театра, сдѣлалъ за что-то выговоръ Эйхмюллеру, бывшему въ числѣ подрядчиковъ, пригрозивъ ему высылкой изъ Иркутска. Эйхмюллеръ дѣрзко отвѣчалъ ему: „такъ что же? сослать такъ сослать; для меня все равно“, и повернулся къ нему спиной. Генераль-губернаторъ отправилъ его на гауптвахту. Здѣсь Эйхмюллеръ просидѣлъ только два часа, и по словамъ его, у него мелькнула мысль о самоубійствѣ. Утромъ 3 ноября Эйхмюллеръ былъ въ какомъ-то изступленномъ состояніи. Онъ два раза прибѣгалъ въ домъ къ генераль-губернатору и

требовалъ свиданія съ нимъ, по словамъ его, по весьма важному дѣлу. Важное дѣло состояло въ томъ, что Эйхмюллеръ хотѣлъ пожаловаться на другихъ подрядчиковъ. Адъютантъ отказалъ ему въ приѣмѣ. Въ три часа дня, когда генераль Синельниковъ пріѣхалъ въ театръ, Эйхмюллеръ нѣсколько разъ подходилъ къ нему съ разными заявленіями о несправедливости подрядчиковъ и о томъ, что ему не платятъ денегъ. Наконецъ, когда Эйхмюллеръ подошелъ къ генералу Синельникову въ четвертый разъ, генераль-губернаторъ весьма кротко сказалъ ему: „поди прочь, ты вѣрно пьянь“. Въ ту же минуту Эйхмюллеръ съ чрезвычайною дерзостью набросился на генераль-губернатора и нанесъ ему ударъ; затѣмъ онъ замахнулся въ другой разъ, но г. Шацъ, начальникъ строительнаго отдѣленія, схватилъ его за руку. „Что ты это дѣлаешь?“ спросилъ генераль-губернаторъ. — „Я отомстилъ тебѣ за все зло, которое ты мнѣ сдѣлалъ“, дерзко отвѣчалъ Эйхмюллеръ. Шацъ распорядился схватить Эйхмюллера, и онъ былъ отведенъ въ острогъ. Въ этотъ же вечеръ врачи свидѣтельствовали Эйхмюллера, въ здоровомъ ли онъ умѣ. Онъ находился въ чрезвычайно возбужденномъ состояніи, говорилъ скоро и невнятно, но, выпивъ стаканъ воды, показалъ, что онъ находится совершенно въ здоровомъ умѣ и

совершилъ преступленіе сознательно и преднамѣренно, изъ мести къ генераль-губернатору, за то, что тотъ разорилъ его. На слѣдствіи Эйхмюллеръ измѣнилъ свое первое показаніе. Онъ сказалъ, что рѣшительно ничего противъ генераль-губернатора не имѣлъ и нанесъ ему ударъ только по внезапному побужденію, оскорбившись тѣмъ, что онъ назвалъ его пьянымъ. Въ день происшествія Эйхмюллеръ выпилъ рюмку водки за обѣдомъ, но пьянь не былъ. Между тѣмъ 6 ноября получена была изъ Петербурга телеграмма о томъ, чтобы Эйхмюллера судить полевымъ военнымъ судомъ и приговоръ суда немедленно исполнить. Въ тотъ же день былъ отданъ приказъ о преданіи Эйхмюллера полемому суду. Судъ состоялся 10 числа. Судъ произнесъ смертный приговоръ. На другой день приговоръ былъ исполненъ. Несчастный, кажется, до послѣдней минуты надѣялся, что его помилуютъ. Иркутскъ выразилъ немедленно все негодованіе, которое возбудило въ немъ дерзкое покушеніе Эйхмюллера. На другой день послѣ происшествія генераль-губернатору устроили овацію: всѣ мѣстные чиновники и толпа купцовъ съѣхались въ домъ генераль-губернатора. Всѣ хорошо понимали, что какъ ни непріятно это происшествіе, но генераль-губернаторъ не

можетъ принимать его за личное оскорбленіе для себя, потому что разстояніе между нимъ и ссыльнымъ ремесленникомъ слишкомъ велико, чтобы какая нибудь дерзкая выходка послѣдняго могла быть для него оскорбительна".

* * *

Любопытный и отрадный крестьянскій приговоръ.

Заимствуемъ изъ „Вятскихъ Вѣдомостей" слѣдующій крестьянскій приговоръ.

„1872 года іюля 16-го дня, Котельническаго уѣзда, Киселевской волости, волостной старшина, засѣдатель, очередные судьи, сельскіе старосты семи обществъ, сборщики податей и выборные волостнаго схода, изъ числа 109 человекъ, за исключеніемъ небывшихъ изъ нихъ по разнымъ уважительнымъ причинамъ 36 человекъ, остальные 73 человека, бывъ сего числа созваны на волостной сходъ для обсужденія разныхъ общественныхъ дѣлъ, между прочимъ выслушали словесное предложеніе волостнаго старшины Кирила Жуйкова о томъ, что многіе крестьяне и даже сыновья ихъ, иногда и малолѣтніе еще, взявъ себѣ въ привычку, при встрѣчѣ между собою на рынкахъ, въ питейныхъ заведеніяхъ и въ собраніяхъ, не взирая на

присутвіе иногда въ нихъ женщинъ, частовременно произносятъ сквернословныя слова, въ особенности въ нетрезвомъ видѣ, что весьма неприлично православному христіанину. Въ отвращеніе подобнаго сквернословія между крестьянами волости, старшина Жуйковъ проситъ насъ постановить о семъ приговоръ, съ тѣмъ, чтобы тѣхъ, кто на будущее время не оставитъ привычку браниться сквернословно въ какомъ бы то ни было мѣстѣ, подвергать какому нибудь наказанію или штрафу. Вслѣдствіе такого предложенія старшины Жуйкова, мы нижеподписавшіеся должностныя лица и выборные крестьяне, съ общаго нашего согласія, приговорили: кто изъ крестьянъ нашей волости, въ какомъ бы то ни было мѣстѣ, будетъ браниться скверными словами, то предоставляемъ волостному старшинѣ и сельскимъ старостамъ, согласно 64 и 86 ст. общ. пол., подвергать такихъ лицъ аресту до двухъ дней при мѣстномъ волостномъ правленіи, или употреблять въ общественныя работы въ теченіе этого же времени, а если кто изъ провинившихся крестьянъ пожелаетъ замѣнить арестъ или общественныя работы денежнымъ штрафомъ, съ того взыскать деньги, за каждый разъ по 45 коп., и деньги эти употреблять на нужды церковныхъ мѣстныхъ

приходовъ, какъ то: на устройство и поправки церковныхъ принадлежностей. Хотя же денежные штрафы слѣдовало бы обращать, по закону, въ мірскія суммы, но эти суммы состоятъ въ нашемъ распоряженіи и, какъ намъ извѣстно, могутъ обойтись безъ пополненія ихъ денежными штрафами. Настоящій нашъ приговоръ волостному правленію представить подлежащему начальству, для утвержденія его въ написанной силѣ, а по утвержденіи объявить на всѣхъ сельскихъ сходахъ нашей волости. Подлинный подписали: волостной старшина Жуйковъ и выборные волостнаго схода въ числѣ 73 человекъ". Давай Богъ такихъ приговоровъ по больше.

* * *

Paэ trop de zile.

Рязанское губернское земство одно изъ дѣятельнѣйшихъ и усерднѣйшихъ въ Россіи, въ особенности по вопросу о народномъ образованіи.

Но и въ добрѣ должна быть мѣра, дабы это добро не породило вреда или неудобства.

Рязанское губернское земское собраніе обсуждало вопросъ о содержаніи учителей

учительской школы. Нынѣ въ ней старшій учитель получаетъ 1,200, а другіе по 600 рублей.

Намъ кажется, что содержаніе это весьма достаточно для губернскаго города. А между тѣмъ собраніе рѣшило, что оно недостаточно и положило увеличить его на 50⁰/₀.

Увеличеніе содержанія дѣло хорошее, когда есть съ чего; но когда настоящей нужды въ томъ нѣтъ, а на богатство въ деньгахъ ни одно земство жаловаться пока еще не можетъ, не благоразумнѣе ли гроши бѣднаго земства беречь для нуждъ болѣе настоятельныхъ?

* *
* *

Атмосфера какъ причина пожара.

Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ” мы находимъ слѣдующій не лишенный интереса рассказъ о пожарахъ въ одной деревнѣ Орловской губерніи.

„Съ октября мѣсяца нынѣшняго года, въ деревнѣ Юденкѣ, Малоархангельскаго уѣзда (Орловской губ.) почти ежедневно встывали пожары. Загорались крестьянскія дома, сараи, хлѣбъ въ скирдахъ, солома въ ометахъ и т. п. Назначеніе карауловъ и присмотръ за лицами, которыхъ бы можно было подозрѣвать въ поджогахъ, и вообще всѣ принятыя противъ

пожаровъ предосторожности не прекращали ихъ. И послѣ этихъ мѣрь, 30-го ноября и 1-го декабря загорались крыши на сараяхъ; 2-го декабря, въ виду нѣсколькихъ караульщиковъ, на разломанномъ и раскрытомъ сараѣ вспыхнулъ уцѣлѣвшій на стропилѣ небольшой клокъ соломы; 3-го показался огонь въ сложенной соломѣ, причемъ первые прибѣжавшіе къ пожару не нашли на снѣгу никакого слѣда къ мѣсту, гдѣ начался пожаръ. Загорались также: принесенная съ улицы въ избу мокрая пакля, плетень изъ хвороста, солома подъ крестьяниномъ, лежавшимъ на нетопленной печи; въ избахъ же — навозъ подъ порогомъ, занавѣска на колыбели, ветошка на шестѣ, солома въ лаптѣ. 8-го декабря, при 8⁰ мороза, въ виду караульныхъ, почти моментально вспыхнули крестьянскія надворныя строенія, покрытыя довольно толстымъ слоемъ снѣга. Пожаръ этотъ былъ, кажется, послѣднимъ. Этими пожарами, въ ноябрѣ и декабрѣ истреблено въ Юденкѣ строеній, соломы въ копнахъ и разнаго цѣннаго имущества у семи домохозяевъ на 3,180 р.

Мѣстные жители толковали объ огненномъ шарѣ, о пламени, какъ у горячей свѣчи, летавшихъ въ воздухѣ, относили пожары къ дѣйствию злаго духа, обращались къ ворожбѣ, служили общее молебствіе. Командированный

для изслѣдованія, въ научномъ отношеніи, мѣстности, на которой заселена дер. Юденка, фармацевтъ врачебнаго отдѣленія губернскаго правленія, провизоръ Борковскій нашель, какъ сообщаютъ мѣстныя „Вѣдомости“, что Юденка частью расположена въ большомъ и глубокомъ оврагѣ и тутъ же торфяное, болотистое мѣсто, изъ котораго, во время влажной и сырой погоды, бывшей съ 20-го октября по 9-е декабря, въ воздухѣ и безъ того тяжело, исходили горючія газовыя испаренія. Эти отдѣленія, продукты болотистой и торфяной мѣстности, состоятъ изъ углеводороднаго, двууглеводороднаго фосфористо-водороднаго и проч. газовъ. При соприкосновеніи влажнаго воздуха съ этими газами, они должны были, колеблясь медленно, растилаться по землѣ, и, при условныхъ обстоятельствахъ, тамъ гдѣ воздухъ былъ чище и суше, — воспламеняться и легко зажигать пористыя тѣла, какъ-то: солому, паклю, сѣно, холстъ и т. п., отъ которыхъ огонь переходилъ и на строенія”.

* * *

Невѣроятное убійство.

Таже газета помѣстила разсказъ объ ужаснѣйшемъ преступленіи, совершенномъ въ

мѣстечкѣ Каховкѣ. Приведа этотъ разсказъ, мы еще разъ задаемъ себѣ вопросъ: неужели это правда, и если это преступленіе — дѣйствительность, то неужели найдутъ, что и здѣсь виноваты не преступники, а виновато общество?

"Недавно въ трактиръ, находящійся на пути изъ Симферополя въ Перекопъ, между Сарабузскою и Трехъ-Абламскою станціями, пріѣхаль подъ вечеръ какой-то крестьянинъ съ дѣвочкой лѣтъ 10-12 и засталъ тамъ 3-хъ-4-хъ неизвѣстныхъ ему людей. Обогрѣвшись, крестьянинъ разсказалъ между прочимъ хозяину трактира, еврею, и гостямъ объ удачной продажѣ имъ разныхъ сельскихъ продуктовъ, отъ которой онъ заработалъ 90 руб. Услыхавъ это, хозяинъ сейчасъ же составилъ планъ ограбленія наивнаго разкащика и передалъ его остальнымъ гостямъ, которые одобрили замыселъ еврея и согласились привести его въ исполненіе. Въ полночь, когда всѣ разошлись спать, они напали на соннаго обладателя 90 руб., изрѣзали его въ куски и отобрали деньги, имѣя еще въ виду овладѣть повозкой и лошадьми. Затѣмъ убійцы стали совѣтоваться о томъ какъ извести дочь убитаго, которая могла въ противномъ случаѣ открыть преступленіе. Поступить съ нею такъ же какъ съ отцомъ они не желали, потому что и безъ того

было много слѣдовъ крови. Тогда еврей предложилъ сжечь несчастную дѣвочку. Предложеніе было принято, и злодѣи принялись затапливать печь. При этомъ еврей просилъ сотоварищей отпустить его изъ хаты на время сожженія, такъ какъ быть свидѣтелемъ такой операціи у него не хватило силъ. Въ то время, когда злодѣи убивали крестьянина и держали совѣтъ относительно дочери несчастнаго, эта послѣдняя, бывшая въ сосѣдней комнатѣ, отдѣленной деревянною перегородкой, и слышавшая всѣ разговоры, спряталась на кровати подъ периной. Когда же печь была натоплена и еврей вышелъ изъ хаты, злодѣи вытащили изъ—за перегородки, вмѣсто крестьянской дочери, сонную дочь хозяина и бросили ее въ огонь. Несчастливая долго и страшно кричала, пока, случайно, трусливый еврей не услышалъ голосъ своего ребенка и не вбѣжалъ исправить ошибку. Когда дѣвочку вытащили, то она оказалась уже сильно обожженной. Между тѣмъ какъ все это происходило, дочь ограбленнаго и убитаго бѣжала, воспользовавшись суматохой, и дала знать о случившемся крестьянамъ ближайшей деревни. Пришедшіе оттуда люди захватили преступниковъ на мѣстѣ преступленія, съ поличнымъ, когда они смазывали масломъ сильно обожженную дочь хозяина".

* *
*

Сентиментальная фальшь въ области уголовнаго суда.

Иногда здравый смыслъ и чувство справедливости въ образованной части общества слышать и чутко слышать какую-то фальшь въ проявленіяхъ чувствительности суда къ обвиненнымъ.

Виноваты-ли присяжные?

Не думаемъ.

Кто же виновать?

Виновато само общество, которое изъ страха прослыть отсталымъ въ своихъ воззрѣніяхъ на преступленія и не понравиться псевдо-либеральной печати—забываетъ при оцѣнкѣ извѣстнаго рода преступленій *что-то*.

Что именно оно забываетъ мы сейчасъ укажемъ въ фактахъ.

Въ одномъ изъ судовъ на Руси разбиралось дѣло объ убійствѣ женою своего мужа. Причиною убійства было то, что жена терпѣла отъ мужа дурное обращеніе, и поводомъ послѣднимъ къ убійству послужило то, что мужъ казакъ, которому жена принесла на сѣнокосъ обѣдъ, ударилъ ее за то, что она опоздала принести этотъ обѣдъ во время. Изъ

разбирательства не видно, чтобы жена указала другіе случаи жестокаго съ нею обращенія мужа, а видно, что она просто его не любила и что съ этою нелюбовью жизнь была ей не мила. Вотъ исходный пунктъ, съ котораго въ тотъ же день эпизода на сѣнокосѣ, жена казака отправилась мысленно на путь къ убійству; сборы были недолги: они легли спать; мужъ заснулъ; жена стала думать, думать, и рѣшила, что самое лучшее — взять да убить своего мужа, что и было въ точности и немедленно исполнено.

Теперь что же происходитъ на судѣ?

Судъ приговариваетъ убійцу къ четырехлѣтней каторгѣ, но въ тоже время подвергаетъ на Всемиловѣйшее воззрѣніе ходатайство о замѣнѣ каторги просто на просто ссылкой въ Сибирь на тотъ-же срокъ на поселеніе.

Почему же судъ это дѣлаетъ? Очевидно потому, что есть обстоятельство, значительно, будто бы, смягчающее вину. Какое-же? А то, что жена была несчастна отъ мужа.

Отсюда какой выводъ?

Очень простой.

Всякая жена, убивающая своего мужа, потому что она съ нимъ несчастна и вслѣдствіе самаго хладнокровнаго соображенія, что жизнь съ мужемъ ей немила, и всякій мужъ, убивающій свою жену вслѣдствіе такого-же соображенія,

заслуживаютъ гораздо большаго снисхожденія, чѣмъ тѣ даже убійцы, которые совершаютъ преступленіе въ какомъ либо порывѣ страсти.

Наказаніе четырехлѣтнею каторгою уже безъ того легкое наказаніе для мужеубійцы, но тутъ и это наказаніе признано слишкомъ тяжкимъ, и судъ преспокойно ходатайствуетъ о пониженіи наказанія 8-ью степенями.

За что такая привиллегія мужеубійцамъ — неизвѣстно!?

* * *

Что же забылъ здѣсь судъ?

Онъ забылъ, сколько кажется, что есть въ мірѣ вообще и въ русскомъ мірѣ въ особенности христіанскія воззрѣнія на обязанности жены своего мужа и на нравственную природу женщины вообще. Богъ далъ душѣ женщинъ такой неисчерпаемый запасъ твердости, терпѣнія и выносливости, что съ этимъ запасомъ она можетъ переносить въ сто разъ, въ тысячи разъ больше, чѣмъ то мнимое несчастное положеніе, о которомъ идетъ рѣчь въ выше нами изложенномъ случаѣ; и если нравственная испорченность женщины до того противорѣчитъ природному своему призванію, что малѣйшее несчастіе или дурное обращеніе съ нею мужа приводятъ ее къ убійству мужа, то наименьшее, что христіанское общество въ правѣ, кажется намъ, требовать отъ

суда, это чтобы это противорѣчіе нравственности женщины ея чудному, Богомъ данному ея душѣ призванію – не вмѣняли ей въ заслугу или въ обстоятельство извиняющее и почти даже оправдывающее гнуснѣйшее изъ преступленій – предумышленное и коварное убійство своего мужа во время сна. Полагаемъ, что это требованіе не черезчуръ великое?

* * *

Удивляться–ли послѣ этого тому, что мы вчера вычитали въ фельетонѣ газеты „Новое Время"? Здѣсь это разсужденіе суда относительно невиновности жены убійцы своего мужа преспокойно примѣняется къ невиновности тринадцати–лѣтней дѣвочки въ самомъ ужаснѣйшемъ, почти можно сказать неслыханномъ по своему изувѣрству преступленіи.

Виновато общество, а не она, и дѣло съ концомъ, говоритъ какойто докторъ психіатръ, записавшійся въ фельетонисты – вѣроятно потому что въ доктора не годится, и тѣмъ самымъ заставляющій предполагать, что какъ психіатръ онъ не совсѣмъ заслуживаетъ довѣрія.

Вотъ почему насъ мало удивиль его взглядъ на слѣдующій фактъ. Дѣвочка 13 лѣтъ была въ услуженіи въ одномъ семействѣ и исполняла обязанности няньки при ребенкѣ. Жила она

честно и счастливо. Вдругъ въ одинъ прекрасный день ей эта жизнь не понравилась и она убѣжала къ матери. Мать ее вернула къ прежнему мѣсту. Вернувшись, дѣвочка опять убѣжала и нанялась въ другое мѣсто. Оттуда снова по желанію матери она была возвращена къ прежнимъ хозяевамъ. И что же? Въ этой дѣвочкѣ зараждается желаніе мести и полная этимъ желаньемъ она въ теченіе нѣсколькихъ дней притворяется честною и послушною, и вкравшись вновь въ довѣріе хозяевъ, пользуется имъ — для чего бы вы думали... мысль отказывается вѣрить... для того, чтобы однажды вечеромъ, когда родители ушли въ гости и поручили ей ребенка для храненья, иглою проткнуть въ нѣсколькихъ мѣстахъ головку малютки до мозга и этимъ его убить, какъ бы наслаждаясь этою медленною процедурою убійства и криками ребенка. Потомъ, когда родители вернулись и мать захотѣла подойти къ ребенку для обычнаго благословенія, она хладнокровно ее просила удалиться, чтобы не разбудить спящее дитя.

Вотъ фактъ. Для всякаго человѣка такая дѣвочка является существомъ носящимъ въ себѣ зачатки безпредѣльной въ безчеловѣчности преступницы; это одно изъ тѣхъ созданій, проклятыхъ судьбой въ день рожденія, которыя

рождаются только для зла и ради которыхъ, къ несчастію, смертная казнь существуетъ...

Но чтоже? — фельетонистъ газеты „Новое Время" совсѣмъ другое находить.

Вообразите себѣ, онъ находить, что дѣвочка почти ни въ чемъ неповинна и заслуживаетъ полного снисхожденія, а виновато то семейство, которое держало дѣвочку, будто бы, *насилно* у себя въ услуженіи и довѣрило ей свое лучшее, дражайшее благо — ребенка!

Держать тринадцатилѣтнюю дѣвочку въ услуженіи по желанію матери ея — значитъ производить насиліе.

Мать не имѣетъ никакихъ правъ надъ своими дѣтьми, да еще въ такомъ возрастѣ.

Дѣвочка, которой мать велитъ зарабатывать хлѣбъ честною службою въ почтенномъ семействѣ, — не виновата, когда она возстаетъ противъ воли матери и изъ мести совершаетъ обдуманно величайшее изъ преступленій!

Вотъ логика и мораль господъ фельетонистовъ.

Нужно ли доказывать, что въ этой логикѣ и въ этой морали *чего-то* недостаетъ и это *что-то* — есть христіанская нравственность?

Мы придемъ и къ такимъ фельетонамъ, въ которыхъ будетъ доказываться, что когда сынъ убиваетъ отца — виноватъ не сынъ, а отецъ за то, что называлъ себя *отцомъ* этого сына!

* *
*

Исчезнувшій убійца.

Кстати объ убійствѣ. Говорять, что въ Дерптѣ одинъ студентъ убилъ другаго. Убитый похороненъ, но убійца преспокойно, будто бы, взялъ и уѣхалъ за границу. Неужели это правда? Сомнѣваемся.

* *
*

Кто величайшій русскій писатель нашего времени?

Еще кстати объ убійствѣ. На экзаменѣ здѣшняго университета одинъ изъ студентовъ зарѣзалъ профессора русской словесности слѣдующимъ образомъ.

— Кого вы считаете лучшимъ писателемъ нашего времени?

— Португалова! отвѣтилъ баэзо-profundo студентъ.

Оказалось, что роли перемѣнились: профессоръ, не знавшій кто такое сей возлюбленный студентомъ писатель, обратился въ студента, а ученикъ, объяснившій эту крупную личность въ литературѣ, — въ учителя.

* *
*

Юбилей А. А. Краевского и его газеты
„Голось”.

Въ маѣ было двухсотлѣтіе юбилея Петра Великаго. Декабря 27 числа былъ десятилѣтній юбилей Андрея Александровича Краевского, какъ редактора–издателя газеты „Голось”.

Юбилей этотъ ознаменовался обѣдомъ, даннымъ у Бореля сотрудниками газеты „Голось”, въ честь юбиляра.

Затѣмъ 1 января юбиляръ далъ обѣдъ своимъ сотрудникамъ.

Какъ мы слышали, были эпизоды довольно интересные за этимъ обѣдомъ. Не ручаемся, впрочемъ, за достовѣрность этихъ слуховъ.

Такъ наприимѣръ, говорятъ, что сотрудники юбиляра имѣли деликатную мысль составить меню на 10 блюдъ, съ тѣмъ чтобы каждое блюдо въ гастрономическомъ порядкѣ соотвѣтствовало каждому изъ 10 годовъ въ хронологическомъ.

Вслѣдствіе этого меню вышло слѣдующее:

1863. — Soupe–puree patriotique a la Russe.

1864. — Petitэ pateэ anti–polonaiэ.

1865. — Piіce de boeuf rouge, garnie, sauce miniэtire.

1866. — Chaud–froid et rouge–blanc de cailleэ a la Kommіээaroff.

1867. — Groë éterletë a læ Juive.

1868. — Pouletë nouveaux a la Polonaïëe.

1869. — Punch a l'Americaine.

1870. — Filetë de renard a la Gradowëky, filetë de canardë aux truffeë a la Admirari, ëauce de carotteë a la Kraefëky.

1871. — Faiëanë rotie a la realieëte.

1872. — Mort-aux-juifë, Charlotte glacee, garnie de mouëëe a la Moëcovite.

* *
* *

Говорятъ тоже, что на этомъ обѣдѣ г. Ниль Адмирари въ своемъ спичѣ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Вѣрите ли, почтенный и маститый юбиляръ, и вы, господа товарищи, что моя безкорыстная преданность вашему дѣлу такъ велика, что даже тогда, когда, — помните — газета „Голосъ" была закрыта?..."

Юбиляръ (тихо). Помню...

Хоръ сотрудниковъ (грустно, но тихо).

Помнимъ! „И я принялся писать въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ", и какъ писать, ругая на пропалую, такъ сказать, газету „Голосъ" и васъ, маститый юбиляръ, то вѣрите ли и тогда, подъ этою бранью слышалась любовь, любовь, да, любовь страстная, любовь безпредѣльная къ нашему юбиляру" ...

Маститый юбиляръ (тихо, но съ умилениемъ). Слышалась любовь!

Хоръ сотрудниковъ (громко, но съ остервененіемъ). Слышалась любовь!

* * *

Говорять также, что г. Градовскій, писатель передовыхъ статей „Голоса“, явился на обѣдъ съ чѣмъ-то въ родѣ простыни, сложенной подъ мышкою. На вопросы сотрудниковъ онъ будто отвѣчалъ: „а вотъ увидите, это сюрпризъ“.

Къ жаркому вдругъ всталъ сотрудникъ сей съ сюрпризомъ.

И дѣйствительно сюрпризъ былъ великъ. Всталъ онъ и съ необыкновенною легкостью, быстротою и ловкостью развернулъ то что было у него подъ мышкою: оказалась въ самомъ дѣлѣ простыня, но бумажная, и простыня до того великая, что развернувшись она закрыла даже голову почтеннаго юбиляра, который сидѣлъ напротивъ писателя передовыхъ статей.

— Что такое? раздался изъ подъ простыни робкій и какъ бы испуганный голосъ юбиляра.

— Это моя рѣчь, отвѣчалъ ораторъ.

— А нельзя ли послѣ, послѣ... какъ-то неловко; раздробите на пару или троечку передовыхъ статей, проговорилъ сидя подъ простынею юбиляръ.

— Хорошо! отвѣтилъ ораторъ.

Простыня убралась опять подъ его мышку.

— Уффъ! сказалъ, будто бы, юбиляръ, почувствовавъ себя освобожденнымъ отъ простыни.

* * *

Говорять, были и стихотворенія. Пользуясь тѣмъ что на дворѣ была уже ночь, кто-то изъ гостей взялъ тевою для вдохновенія элегію Пушкина „Ночь“ и сказалъ:

Твой «Голосъ» для всѣхъ насъ и ласковый и томный

Раздался на Руси во мракѣ ночи темной,
Но ласковый для насъ — былъ грозень для враговъ,

Восплакалъ здѣшній Коршъ, затрепеталъ Катковъ,

Текутъ ручьи статей, текутъ, полны тобою,

Глаза твои слѣдятъ за нашей чехардою,

Ты улыбаешься, и платишь за статьи...

О, вождь! съ тобой... впередъ... всегда... твои... твои...

* * *

Леченіе глазъ посредствомъ ослѣпленія.

Приводимъ до нельзя грустный рассказъ о леченіи на югѣ Россіи солдатъ отъ глазныхъ болѣзней, доказывающій, что и за этою

особенностью военного быта крайне нуженъ болѣе близкій и внимательный уходъ.

Лѣтомъ солдаты волынскаго, подольскаго полковъ и нѣкоторыхъ стрѣлковыхъ ротъ, находясь въ лагерѣ, страдали воспаленіемъ глазъ, что искони приписывается нашей известковой пыли. Почему то въ этомъ году на такое страданіе глазъ было обращено преимущественное вниманіе и изъ Петербурга былъ командированъ докторъ для леченія больныхъ, какъ въ Одессѣ, такъ и въ Бендерахъ, куда также отсылались больные. Докторъ приступилъ къ осмотру солдатъ и, ко всеобщему удивленію, изъ каждой осмотренной роты оказались здоровыми только нѣсколько человѣкъ. Всѣ солдаты перепугались, всѣхъ надо было лечить, а нѣсколько сотъ человѣкъ лечить не легко. Началось леченіе. Обыкновенное у насъ средство въ подобныхъ случаяхъ ляписная примочка и улучшеніе атмосферическихъ условій, между тѣмъ присланный докторъ примѣнилъ другую систему леченія, именно: піявки, нарѣзы, что оказалось у насъ слишкомъ сильнымъ и излишнимъ средствомъ; кончилось это тѣмъ, что солдаты начали слѣпнуть и въ настоящее время, какъ передалъ мнѣ одинъ офицеръ, ослѣпло уже до 40 человѣкъ, которые и отправлены, согласно ихъ желанію, на родину по

этапу. Эти несчастные слѣпцы будутъ получать ежемѣсячно по 3 р. Хватить ли ихъ на жизнь? Такой печальный исходъ леченія не скоро обратилъ на себя вниманіе начальства, потому что довѣряли присланному врачу. Въ послѣдствіи докторъ куда-то былъ переведенъ. Говорятъ, что въ донесеніи своемъ онъ указывалъ на то, что своимъ леченіемъ онъ предупредилъ еще большее появленіе слѣпцовъ. Правда ли это послѣднее соображеніе, столь рѣшительно высказанное, — вотъ что интересно было бы знать.

Оптимистъ.

БІБЛІОГРАФІЯ.

Очерки Крыма. Картины крымской жизни, природы и исторіи Евгенія Маркова. С.—Петербургъ, 1873.

Хотя путешествіе по южному берегу Крыма въ послѣднее время все болѣе и болѣе начало входить въ обыкновеніе у значительной части нашего общества, но такое путешествіе по этому прекрасному уголку нашего отечества сопряжено съ серьезными затрудненіями. Не говоря уже о крайнихъ матеріальныхъ неудобствахъ, на которыя неизбѣжно натывается путешественникъ

въ Крыму, такъ негармонирующихъ съ чудною и богатою природою южнаго берега Крыма, до сихъ поръ у насъ не было сколько нибудь порядочнаго описанія этого берега, такого описанія, которое могло бы легко читаться нашими туристами, не всегда предпринимающими свои поѣздки съ серьезною цѣлью. О прежнихъ трудахъ, посвященныхъ описанію Крыма, теперь не станемъ говорить. Вышедшія же въ прошломъ и нынѣшнемъ году двѣ книжки: „Путеводитель по Крыму“ Сосногоровой и „Путеводитель“ нѣкоего М-ва, представляющій довольно неудачную компиляцію „Путеводителя“ Сосногоровой, далеко не могутъ удовлетворить серьезнымъ требованіямъ путешественниковъ, какъ вслѣдствіе неполноты содержанія, такъ и по крайней сухости своего изложенія. „Очерки Крыма“ г. Маркова не только могутъ читаться съ большимъ интересомъ путешествующими по Крыму съ разумною цѣлью, но даже и небольшими охотниками до чтенія разныхъ очерковъ и картинъ. Живость и поэтичность изложенія придаютъ книгѣ г. Маркова занимательность даже и помимо несомнѣннаго внутренняго ея интереса. Въ этой книгѣ найдется и прекрасная картина природы южнаго берега Крыма, и интереснѣйшіе историческіе рассказы, и, наконецъ, очень любопытныя этнографическія

и бытовья описанія этого совсѣмъ неизвѣстнаго нашей публикѣ, отдаленнаго отъ насъ края. Правда, что книга г. Маркова — произведеніе не новое. Если не ошибаемся, это болѣе или менѣе дословная перепечатка статей, печатавшихся въ „Отечественныхъ Запискахъ" въ послѣдніе годы и въ „Вѣстникѣ Европы" за настоящій годъ (подъ заглавіемъ „Пещерные города Крыма"). Но во всякомъ случаѣ, книга эта представляетъ значительное приобрѣтеніе въ нашей особенно бѣдной описательной литературѣ. Жаль только, что авторъ, печатая „Очерки" отдѣльнымъ изданіемъ, не выбросилъ, или по крайней мѣрѣ не сократилъ помѣщеннаго въ началѣ книги довольно длиннаго и скучноватаго описанія ѣзды на почтовыхъ по среднимъ и южнымъ нашимъ дорогамъ, съ пресловутыми перекладными и ямщиками, такъ какъ едва ли такое описаніе можетъ имѣть въ настоящее время особенный интересъ для нашей публики, привыкшей уже нѣсколько лѣтъ ѣздить въ превосходныхъ вагонахъ именно по тѣмъ самымъ дорогамъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Пожалуй, такое начало у многихъ читателей не на шутку отобьетъ охоту къ дальнѣйшему чтенію книги... Остается также пожалѣть, что цѣна книги (3 р.) не умѣренная.

Изложеніе началъ народнаго хозяйства. И. Бабста. Томъ первый. Выпускъ первый. Введеніе, краткій очеркъ исторіи науки о народномъ хозяйствѣ, производство цѣнностей. Москва. 1872.

Разсматриваемое нами сочиненіе есть, въ исправленномъ видѣ, университетскія чтенія извѣстнаго московскаго профессора г. Бабста. При скудости нашей учебной юридической литературы вообще и экономической въ частности книга г. Бабста должна считаться значительнымъ вкладомъ въ эту послѣднюю литературу. Главное достоинство книги г. Бабста и ея отличие отъ другихъ книгъ подобнаго рода отечественной экономической литературы (мы не говоримъ о переводныхъ сочиненіяхъ) состоитъ въ томъ, что она представляетъ попытку *къ общедоступному* и въ то же время не теряющему научнаго характера *систематическому* и *изслѣдованію началъ политической экономіи*, которую авторъ называетъ „народнымъ хозяйствомъ“. При помощи этой книги легко могутъ знакомиться съ началами политической экономіи не только учащіеся, но и люди вовсе не посвященные въ юридическія и экономическія науки. Ясность и простота изложенія предмета политической

экономіи вообще составляютъ отличительную черту сочиненія г. Бабста.

Настоящая книга (въ 162 страницы) есть только первый изъ обѣщаемыхъ авторомъ девяти выпусковъ политической экономіи, почему мы и не входимъ теперь въ болѣе подробное разсмотрѣніе ея.

Для русскихъ читателей, какъ намъ кажется, болѣе всего интереса можетъ представлять обѣщанный авторомъ второй томъ „началь“. Въ этотъ томъ войдетъ „политика народнаго хозяйства“ или *прикладная политическая экономія*, которая, по опредѣленію автора, „излагаетъ примѣненіе законовъ народнаго хозяйства (т. е. политической экономіи) къ извѣстнымъ даннымъ обстоятельствамъ“, т. е. „указываетъ на то, какъ въ извѣстныхъ практическихъ случаяхъ начала народнаго хозяйства должны быть примѣняемы, какъ или при какихъ обстоятельствахъ должно ими руководствоваться, однимъ словомъ, какими способами хозяйствующій субъектъ, будь то семья, община, промышленное товарищество, корпорація, наконецъ государство, наилегчайшимъ, наивыгоднѣйшимъ и самымъ прибыльнымъ образомъ должны вести свое хозяйство, т. е. удовлетворять своимъ потребностямъ и получать доходъ“. А то едва-ли

мы можемъ похвалиться хоть однимъ систематическимъ трудомъ по части отечественнаго „народнаго хозяйства“ — изъ числа находящихся у насъ оригинальныхъ сочиненій?...

Говорятъ, что въ Англіи политическая экономія входитъ въ число общеобразовательныхъ предметовъ весьма значительной части среднихъ учебныхъ заведеній. У насъ же, какъ извѣстно, она излагается лишь въ высшихъ спеціальныхъ заведеніяхъ. Даже въ юридическихъ факультетахъ университетовъ на нее обращается чуть-ли *не послѣднее* вниманіе.

Вслѣдствіе этого, едва-ли мы преувеличимъ, если скажемъ, что въ нашемъ обществѣ никакая скудость такъ не поразительна, какъ скудость самыхъ элементарныхъ и необходимыхъ въ жизни экономическихъ свѣдѣній. Даже въ сельскомъ хозяйствѣ — этой болѣе всего, кажись, подходящей къ иностраннымъ теоріямъ и образцамъ области экономической дѣятельности — до нашихъ дней у насъ мало какъ-то перестаютъ судить и рядить обо всемъ по иностраннымъ теоріямъ и образцамъ. А между тѣмъ вотъ-что говоритъ г. Бабстъ въ своей книгѣ относительно подражательности въ сельскомъ хозяйствѣ: „Навязывать странѣ системы

сельскаго хозяйства потому только, что онѣ индѣ господствуютъ и тамъ принесли пользу — это въ высшей степени нелѣпо, и не разъ приходилось уже необдуманнѣмъ нововодителямъ дорого поплатиться за такія неумѣстныя попытки"... И затѣмъ приводитъ весьма поучительныя для насъ слова „одного изъ замѣчательнѣйшихъ сельскихъ хозяевъ Германіи", который говоритъ: „Къ несчастію, до сихъ поръ еще не изгнано изъ нашихъ учебниковъ сельскаго хозяйства несчастное убѣжденіе, что одинъ только и есть идеаль сельскаго хозяйства, одинаково для всѣхъ странъ и временъ пригодный... Русское правительство шлетъ постоянно молодыхъ неопытныхъ людей къ намъ, въ Германію, для изученія нашего сельскаго хозяйства. Юноши сіи знакомятся съ условіями сельскаго хозяйства въ мѣстахъ густо населенныхъ, съ обеспеченнымъ сбытомъ сельскихъ продуктовъ, гдѣ послѣдніе стоятъ въ хорошей цѣнѣ и вполне вознаграждаютъ издержки сельскаго хозяйства. Незнакомые съ практическими приемами себя на родинѣ, но съ врожденною русскимъ (!) склонностью къ новизнѣ, видя на практикѣ уступки заграничнаго національнаго хозяйства и не углубляясь въ изслѣдованіе причинъ, дѣлающихъ такое хозяйство возможнымъ, они возвращаются къ себѣ на родину и пытаются

ввести усовершенствованные способы сельскаго хозяйства плотно населенныхъ, промышленно развитыхъ и богатыхъ капиталами мѣстностей — въ странѣ съ населеніемъ въ 600 или 1,000 душъ на кв. милю, гдѣ хлѣбные рынки отстоятъ нерѣдко на сотни верстъ отъ мѣста производства и гдѣ вѣрный и значительный сбытъ за границу обуславливается только неурожаемъ въ западной Европѣ"...

Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Изъ путешествій 1857—58 и 1869—70 годовъ Эдуарда Циммерманна. Въ двухъ частяхъ. Съ приложеніемъ карты желѣзной дороги отъ Нью-Йорка до Санъ-Франциско. Цѣна 1 р. 50 к. Москва. 1873 г.

Въ настоящую книгу вошелъ рядъ статей, напечатанныхъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" за 1858—59 г., „Русской Лѣтописи" за 1869—70 г. и наконецъ въ „Вѣстникѣ Европы" и „Отечественныхъ Запискахъ" за послѣдніе годы. Нѣкоторыя изъ этихъ статей значительно измѣнены или дополнены. Есть и нѣсколько совсѣмъ новыхъ. Несмотря на то, что, собственно говоря, въ лежащей передъ нами книгѣ мало новаго, книга эта, однакожь, можетъ быть

прочитана нашею образованною публикою съ особеннымъ интересомъ и большою пользою. Объ интересѣ книги отчасти уже можно судить по тому, что статья, печатавшаяся въ „Русской Лѣтописи“ и потомъ изданная отдѣльно подъ заглавiемъ „Путешествiе по Америкѣ въ 1869—70 г.“, очень скоро разошлась двумя изданiями. Авторъ разсматриваемой нами книги два раза путешествовалъ по Америкѣ, — въ 1857—58 и 1869—70 годахъ. И, какъ видно изъ самаго содержанiя его книги, путешествiе его далеко не было тѣмъ празднымъ шатаньемъ безъ серьезной цѣли, знанья мѣстнаго языка и интереса ко всему окружающему, о какомъ путешествiи еще *m-me de Etaël* сказала, что — „это одно изъ самыхъ скучныхъ удовольствiй жизни“ и которое, замѣтимъ мимоходомъ, все еще со дня на день дѣлается какою-то повальною болѣзнию извѣстной части нашего общества...

Г. Циммерманнъ, какъ говорится, вдоль и поперекъ колеситъ Америку. Изучаетъ и по уединеннымъ, едва доступнымъ фермамъ, и на заводахъ, фабрикахъ и т. п., причемъ иногда спускается въ подземелья и пещеры; и въ тоже время посѣщаетъ всевозможныя школы и коллегii, изучаетъ общественный и государственный бытъ американцевъ и наконецъ знакомится съ литературою *объ Америкѣ*.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы и субъективная сторона сочиненія г. Циммерманна, — его взгляды и выводы отличались особенными достоинствами. Онъ нерѣдко дѣлаетъ слишкомъ односторонніе выводы и вообще поспѣшно переходитъ отъ частнаго къ общему, не смотря на свою громадную писательскую наблюдательность. Особенно, когда дѣло идетъ у него о паралели американскихъ учрежденій съ европейскими. Но, во всякомъ случаѣ, книга г. Циммерманна представляетъ, какъ мы уже сказали, интересную, серьезную и привлекательную (по живости изложенія) пищу для образованной части нашего общества.

Любопытнѣе и поучительнѣе всего для насъ, русскихъ, въ этой книгѣ слѣдующее:

Въ то время, когда эмиграція изъ разныхъ странъ Европы въ Новый Свѣтъ какъ будто бы пріостановилась, эмиграція нашихъ соотечественниковъ и родственниковъ нашихъ, поляковъ, начала увеличиваться и при томъ очень быстро. Вотъ что сообщаетъ г. Циммерманнъ объ этой эмиграціи. Изъ отчета статистическаго отдѣленія въ Вашингтонѣ видно, что общее число переселившихся въ Америку европейцевъ, съ начала существованія американской республики по 1871 годъ, равнялось слишкомъ 8 милліонамъ челоѣкъ. Въ

томъ числѣ *изъ Россіи переселенцевъ значилось 4,045*, а польскихъ переселенцевъ — 4,038 чел. Переселеніе европейцевъ постоянно быстро увеличивалось до самаго послѣдняго десятилѣтія (по 1860 г.). Къ этому времени (т. е. съ 1850 по 1860 г.) оно дошло до 2,500,000. „Дойдя до такого значительнаго числа, переселеніе какъ будто пріостановилось на немъ, и въ послѣднее десятилѣтіе оно уже не перешло за 2,500,000". Между тѣмъ эмиграція нашихъ соотечественниковъ и поляковъ именно въ послѣднее десятилѣтіе настолько увеличилась, что первыхъ значилось въ промежуткѣ 1869—1870 г. 2,671 чел., а вторыхъ почти столько же... Какъ ни незначительно въ общей сложности съ иностранцами такое число нашихъ выходцевъ и сравнительно съ нашимъ количествомъ народонаселенія, однако фактъ значительнаго возрастанія числа нашихъ выходцевъ въ Новомъ Свѣтѣ можетъ навести мыслящихъ людей на многія соображенія... Почему именно такое движеніе изъ нашего отечества увеличивается въ то самое (реформенное) время, когда и на Руси стало жить легче и представилась большая возможность заниматься чѣмъ хочешь? Къ какому именно „состоянію" принадлежатъ наши эмигранты, — отцы—ли это, недовольные уничтоженіемъ крѣпостничества; или—же дѣти

якобы ищущія простора для дѣятельности? Насколько такое передвиженіе можетъ увеличиться въ виду еще чрезвычайнаго обилія у насъ такихъ маменекъ, которыя и слышать не хотятъ о всеобщей военной повинности и по старому продолжаютъ мечтать о производствѣ своихъ сынковъ въ посланники? И мало-ли еще какихъ размышленій можетъ вызвать возрастающее бѣгство нашихъ соотечественниковъ...

Кромѣ того, книга г. Циммерманна можетъ служить теперь вѣскимъ опроверженіемъ тѣхъ ходячихъ въ значительной части нашего общества мнѣній насчетъ Америки, какія складываются въ обществѣ появленіемъ легенькихъ передовыхъ статей большинства нашихъ газетъ. Извѣстно, какъ часто у насъ произносится имя Америки *всуе*. Зайдетъ-ли рѣчь о пользѣ, которую можно ожидать отъ раціональнаго преподаванія классическаго языкознанія — у насъ сейчасъ же стряпатели передовыхъ статей (и фельетонисты даже) начинаютъ выкрикивать, что-де изученіе гимназистами латыни притупляетъ умственныя способности этихъ гимназистовъ и что-де въ Америкѣ изучаютъ только естествовѣденіе и т. п. Станетъ-ли кто утверждать, что наши женщины прежде всего должны стремиться къ полученію духовнаго, гуманнаго образованія, а потомъ уже

думать о профессионариумѣ — они-же не замедлят обвинить васъ въ крайнемъ обскурантизмѣ и сейчас-же совѣтуютъ вамъ проѣхать въ Америку и на мѣстѣ убѣдиться, что тамъ женщины получаютъ исключительно, будто-бы, профессиональное образование и не знаютъ даже, что такое эscientia humaniora... А мѣжду тѣмъ, что-же оказывается изъ книги г. Циммерманна? Онъ, послѣ короткаго знакомства съ американскимъ воспитаніемъ и образованіемъ и не смотря на свое значительное увлеченіе „реализмомъ" и „эманципаціею женщинъ", однако сообщаетъ вотъ что: Преподаваніе древнихъ языковъ въ Америкѣ начинается въ „высшей школѣ", соотвѣтствующей нашимъ лицеямъ, т. е. заведеніямъ среднимъ между гимназіями и университетами. Въ такія школы поступаютъ молодые люди 14 или 15 лѣтъ. Преподаваніе въ такихъ школахъ распредѣляется на два отдѣла — *общій* (General course) и *классическій* (Classical course). Классическій курсъ назначается исключительно для молодыхъ людей *обоого пола*, желающихъ посвятить себя ученымъ занятіямъ въ области наукъ филологическихъ и историческихъ. Латинскій языкъ приходится тутъ, конечно, въ болѣе обширномъ размѣрѣ, чѣмъ на другомъ курсѣ, т. е. *чѣмъ на общемъ*.

Сверхъ того еще присоединяется преподаваніе греческаго языка... Въ коллегію Вессера (Vaëzar College), нѣчто въ родѣ женскаго университета, находящуюся на берегу Гудсона, въ г. Паркипси, поступають дѣвицы не моложе 15 лѣтъ. Въ этой коллегіи въ продолженіи 4-хъ лѣтняго курса онѣ изучаютъ или филологическія, или естественныя науки*). Цѣль этого университета основатель его Вессеръ, пожертвовавшій на него полмилліона долл. (около 2.500,000 франковъ), опредѣляетъ въ своемъ завѣщаніи такимъ образомъ: „Высшее умственное развитіе женщинъ есть дѣло существенной необходимости, потому что помимо даже всякаго другаго призванія *имъ принадлежатъ неминуемое для нихъ призваніе — быть матерями и воспитательницами* развивающагося молодаго племени"...

Вообще книга г. Циммермана можетъ навести русскаго читателя на много трезвыхъ мыслей...

*) «Нѣтъ» (fl, †, 1872 „), „УОІ“ ЕАІОІОІ: ОІЕ, А ОЕУАУ“ %О УО, О О АО. †%†АУ“ ††ОЕ-АОІОА †О †, †АІ А, “УО ОУ: 15-†“УІЕІ“ %“, Е“ ††, ОУУОЕУАТ. †ОІ“ †А†ІАІ“ У А ОАУОИ ОО ††УЕІОІОІУ ИА“ ІУ (УОІ, ІО) ОІОІ, ІО А% †-ІЕ У А ОАУОИ „ †-ЕІ: ††ОЕ-АОІЕІ: „ЕІ†А ИІ: ††, ОУУОЕУАТ. †“І: ОІЕ, А ОЕУАУ: †А†ІАІ††, † ЕІАІО: %“, Е“ †А†ІАІО, УОИ ЕА: 4-†: †ІЕ“ СІ† И ИАА† И, 4-†: “АЕ ИЕ^А ОІ†, 6-УЕ †ІЕ“: СЕ „ЕІ И, ††УЕІОІОЕ „ †††УЕТЕ Е У. % а О, А І: УО, О ЕАУ†. У: ††ОЕІО, (аЕ, И, ИЕ^А ОІ† Е ОЕ-УУ: ††УЕІОІ И ОО-ЕІАІ И) %†ЕА „: АДУАДУ, АІІОІ“ ЕТЕ О. ~ АІ: ІУ О“, ІА „О, О И УЕА О УЕІОТО, Е-АОІОІ: ЕТЕ ††ОЕ-АОІОІ: ІУ О“, „%“ †ЕУ†, УОИ „О“ ОІ: А А†††УАТ. †“А ††УЕІОІ А Е „ А-АОІ А ОЕО†УАТЕ.

—

Дневникъ провинціала въ Петербургѣ. Салтыкова. (Щедринъ). 1873. Куль хлѣба и его похождения. С. Максимова. 1873.

Передъ нами двѣ новыя книги двухъ талантливыхъ писателей нашего времени.

Но какая бездна раздѣляетъ эти двѣ книги.

Одна, то есть книга г. Салтыкова (Щедрина) писана для смѣха, но смѣхъ этотъ, право, стоитъ горькихъ слезъ. Другая какъ будто посвящена дѣтямъ и писана хотя и для забавы, для веселья, но цѣль ея — польза, польза ознакомленія съ Россією и развитія въ насъ любви къ милой нашей родинѣ въ той сферѣ, гдѣ эта любовь къ родинѣ всего болѣе требуетъ жизни — въ сферѣ бѣдной русской деревни.

Нашъ знаменитый какъ талантъ—юмористъ М. Салтыковъ Щедринъ въ новой своей книгѣ, озаглавленной „Дневникомъ провинціала въ Петербургѣ“, собралъ то, что имъ было писано въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и подарилъ публикѣ старое произведеніе своего таланта, которое, впрочемъ, отъ этого обстоятельства нисколько не утрачиваетъ своего положительнаго достоинства.

Что—же мы скажемъ объ этой книгѣ?

Какъ всѣ произведенія г. Щедрина, она читалась съ большимъ удовольствіемъ, еслибы на днѣ и насквозь его юмористическихъ очерковъ не слышалась грусть безпощадно отрицательнаго отношенія автора къ той жизни, изъ которой онъ такъ неумоимо и такъ неисчерпаемо беретъ свои типы.

Кто этотъ провинціалъ, пріѣзжающій въ Петербургъ и пишущій тамъ свой дневникъ? Увы, (не беремъ назадъ этого „увы“) это тотъ россиянинъ, который, какъ будто по ошибкѣ судьбы, попалъ въ жители провинціи, а долженъ былъ бы по складу ума жить въ Петербургѣ. Въ немъ всѣ психическія и логическія черты Петербурга не только находятъ сочувствіе, но находятъ какъ будто почву до нельзя плодородную. Этотъ провинціалъ — носитель петербургской пошлости, не только сознательный, но даже носитель ея со вкусомъ.

Провинціалъ этотъ ѣдетъ въ Петербургъ и самъ не знаетъ *зачѣмъ*. Это уже одна черта не вѣрная, когда рѣчь идетъ о провинціалѣ, ѣдущемъ въ Петербургъ; ибо кто бывалъ въ провинціи, знаетъ и то, что стоитъ провинціалу взять и собраться въ Петербургъ. Пріѣхавши въ Петербургъ, этотъ провинціалъ наталкивается на всѣхъ представителей искалеченнаго и исковерканнаго образа мыслей по всѣмъ отдѣламъ жизни, и

здѣсь талантъ автора производитъ мастерскіе очерки этихъ, будто бы, серьезно и умно, точно священнодѣйствующихъ, говорящихъ величайшія пошлости и глупости людей. Но затѣмъ ни одна свѣтлая картинка, ни одно теплое слово, ни одинъ малѣйшій просвѣтъ такого міра, гдѣ бы дышалось легче, видѣлось свѣтлѣе и чувствовалось теплѣе; все безпощадный смѣхъ, все неумолимое преданіе ему на жертву всего, всего и всего.

Совсѣмъ другое — книга дѣйствительно новая С. Максимова, озаглавленная „Куль хлѣба и его похождения“, съ приложеніемъ къ ней до 105 отдѣльныхъ рисунковъ и картинокъ. Книга эта — дорогой подарокъ нашей бѣдной литературѣ о Россіи, дорогой не въ смыслѣ цѣны его денежной, но въ смыслѣ прелестнаго, оригинальнаго и весьма полезнаго изложенія, въ формѣ разсказа, свѣдѣній о Россіи и ея земледѣльческой и промышленной жизни. Заглавіе этой книги означаетъ очень ясно и просто ея содержаніе. Въ ней въ яркихъ и живыхъ краскахъ изображенъ бытъ всего что живетъ, движется, работаетъ наживаетъ барыши, стонетъ и страдаетъ, хлѣба ради, на Руси. Такой опытъ описанія одной изъ сторонъ жизни — явленіе у насъ совершенно новое. Нельзя не привѣтствовать этотъ опытъ съ искреннимъ

сочувствіемъ, и порадоваться именно тому, что за опытъ взялся одинъ изъ самыхъ талантливѣйшихъ писателей нашего времени!

Хотя, нѣтъ сомнѣнія, изданіе этой книги не дешево обошлось издателю Плотникову, но мы все таки увѣрены, что пусти онъ ее по 2 р. вмѣсто 3-хъ она разошлась бы въ несравненно большемъ количествѣ экземпляровъ. Но все же при роскоши и безупречной изящности изданія, при богатствѣ ея содержанія, при отлично исполненныхъ рисункахъ, — книга эта сравнительно недорогога.

Типографія А. Траншеля, Невскій пр. д. № 45.

Редакторъ—Издатель **Ф. М. Достоевскій.**